

Восточная Европа в древности и средневековье

[III]

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР**

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

**Юбилейные чтения,
посвященные 70-летию со дня рождения
члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто**

Москва, 19-22 апреля 1988 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МОСКВА 1988

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР А.Н. Новосельцев

(ответственный редактор),

член-корреспондент АН СССР Я.Н. Шапов,

к.и.н. Г.В.Глазырина,

к.и.н. И.Г.Коновалова,

(ответственный секретарь),

к.ф.н. Е.А.Мельникова,

к.и.н. И.С.Чичуров

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Подписано в печать 15.03.88. А-0299. 8 п.л. 6 уч.-изд.л.
Тираж 350 экз. Формат 60х84/16. Цена 40 коп. Заказ № 31

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дн.Ульянова, 19

"РУЗЫ" В ЗАКАВКАЗЬЕ (X ВЕК)

Сражения рузского корпуса в Малой Азии, его участие в подавлении анти-константинопольских мятежей во второй половине X в., долгий его поход вместе с Багряном II Болгаробойцей из Тарса Киликийского в Таирк и наконец ограбление "рузов" о тайкокии азатами, закончившееся частью гибелью, а частью изгнанием последних, долгое время трактовались в историографии как события военного характера, почти не имеющие прямого отношения к глубинным государственным интересам Византийской империи.

Между тем, вторая половина X в. явилась поворотным пунктом и в отношениях между Русью и Византией, и в отношениях между Византией и закавказскими политическими образованиями. Это было время кровавых мятежей Варды Склира и Варды Фоки против Василия II Болгаробойцы, неожиданного крушения Болгарского царства, трагических перипетий похода Святослава и наконец крещения Руси и брака князя Владимира с византийской царевной Анной, обусловившего усиление экономических, политических и культурных связей между Русью и Византией, дружественного характера этих связей.

Политическая доктрина Византии определяла все "неро-мейские" народы, как подчиненные по отношению к империи и ее вассалы — владцы ойкумены. В новейшей модификации Д. Оболенского в средние века существовало "византийское содружество наций", т.е. автономные подданные империи защищали ее границы в обмен на покровительство империи, привилегии, субсидии и т.д. Однако действие механизма "Commonwealth" нуждается в исследовании в каждом отдельном случае.

Отношения между императором и прочими членами этой своеобразной "семьи" владык и народов конституировались по трем основным линиям: "братья", "сыновья", "друзья"

императора. Двойственный характер международно-правовых связей: византийский император — его несомненные контрагенты, определяли пеструю палитру взаимоотношений между доминирующими; "сыновья императора" не были "братьями", а его "друзья" вполне могли оказаться врагами, особенно, если на то была воля империи.

Политико-дипломатические мероприятия империи (военная помощь против арабов, дарование титулов, субсидии и т.д.) в течение почти столетия закрепляли за армянокими и грузинокими владельцами прочное место в навязанной византийцами "семье правителей и народов". Но с середины I в. Византия, потеснив своего главного соперника на Востоке — Арабский халифат, начала наступление на земли армянских и грузинских политических образований. В результате владельцы Закавказья поддерживали мятежи Скира и Фоки, а Византия, аннексировавшая к концу I в. Тарон, потребовала, чтобы Давид Куропалат, последний представитель Тайкской ветви ивирских Багратидов, владевший Самцхе, Шавшети, Джавахети, Артаном, Келом, Илчим Тайком, Капином, Басеном, Мансукертом, т.е. обширными армянокими и грузинскими землями, передал их по завещанию Византии, т.к. его "ивирн" (грузины, армяне-халкидониты, армяне-подданные Ивироского Багратида) выступили против Василия II Болгаробойцы во время мятежа Варды Фоки.

Русь о ее независимости, обусловленной географической удаленностью и военной силой, в X в. занимала особое место в византийской внешней политике. Принятие христианства на Руси было осуществлено в благоприятных для нее условиях. Русь находилась в расцвете своей военной мощи, Византия переживала тяжелый кризис (в Европе ее теснили болгарские войска, почти вся Азия была в руках мятежных феодалов). В завязавшихся переговорах условия диктовала не империя, нуждавшаяся в русской помощи, а киевский князь Владимир. Русь вступила в семью государств уже как христианская держава, международный вес правителя которой в силу его женитбы на порфирородной сестре византий-

ского императора чрезвычайно возрос.

Жизнь и корону Василий II спас шеститысячный русский корпус, посланный Владимиром, разбив войско Варды Фоки (989 г.), где главную роль играла ивирская фаланга. Этот корпус остался в Византии (возможно, пополнялся за счет добровольцев) и проделал с Василием II большой поход в Закавказье, чтобы принять наследство Давида Куропалата (1000 г.). Смерть Давида Куропалата, по мнению армянских историков, была политическим убийством, выгодным империи и, возможно, инспирированным ею. Однако, Василий II, вначале наградив и обласкав тайкских азов, исполнителей этого убийства, чуть ли не сразу же покарал их руками своей русокой дружины, причем повод к столкновению "рузов" с "ивирами" и Аристокес, и Асолик называют "ничтожным", то есть не отражающим истинных обстоятельств дела. Обезглавив Тайк (30 азов Тайка было убито, остальные уведены в Константинополь), Василий обратил владения Давида в новую тему империи "Ивирию" или "Большую Армению и Ивирию".

Позже владетели Закавказья становятся уже не независимыми или полузависимыми правителями, входившими в "семью правителей и народов", а всего лишь феменными стратегами либо на своих собственных землях, либо в глубине империи, смещаемыми и перемещаемыми по воле Константинополья.

Императорская гвардия в это время не формируется из воинов кавказского региона, их место занимает русская дружина.

Битва в Тайке была небольшим, но наглядным эпизодом, определившим поворот в отношении Византии к своим союзникам, и в то же время она является иллюстрацией взаимоотношений между самими союзниками, которые, разумеется, в этот период времени не выходили за рамки военных столкновений. По наблюдениям византийцев, взаимоотношения самой Византии с Русью в IX-X вв. - это также более нача-

го торговые контакты и военные конфликты (хотя уже с середины IX в. "таврические скифы" служили в императорской гвардии).

Еще на Оксфордском международном конгрессе советские византинисты отмечали, что центр тяжести исследования русско-византийских отношений IX – X вв. лежит в сфере фактов экономической и политической истории. Русские дружинники участвовали в военных экспедициях (таких, например, как экспедиция против критских арабов в 911 г.), гарнизоны из русских воинов стояли по византийским крепостям и т.п.

Самое раннее упоминание о русских в армянских источниках – это известие Мовсеса Каланкатуаци "о незнакомом и чуждом народе рузиков", которые (после 914 г.) предали мечу "Партав, столицу Алуанка", ибо "были сильны и непобедимы", проникнув с севера "через проход моря Каспийского". Затем "рузы" оказались в войске Василия II. И почти через четверть века после разгрома Варды Фоки мы встречаем русскую дружину в разных местах, "где только, – по выражению В.Г.Васильевского, – шли военные действия", в том числе и в Закавказье.

"Рузы" воевали в Армении и Грузии и западнее на территориях со смешанным греко-армянским населением, там, где в X – XI вв. возник эпос о Дигенисе Акрите. В XII – XIII вв. его уже хорошо знали на Руси. Вполне возможным представляется предположение, что именно русские дружинники привезли какую-то не дошедшую до нас греческую редакцию этого героического эпоса на Русь, где был сделан перевод, известный как "Девгениево деяние". А этот факт доказывает не только военные, но и духовные контакты трех народов.

О ЗНАЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ
АВТОРОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. "Крупными золотой валюты" называл В.Т. Пашуто сведения средневековых арабских авторов о древних русах. Меткое определение! В нем отразились и краткость этих известий и упоминаний, и, с другой стороны, их роль в прояснении "прежде загадочного участия Руси в событиях, происшедших далеко от ее границ".

2. К нашему времени не осталось ни одного сколь-нибудь значительного сообщения или упоминания о древних русах в сочинениях арабских авторов IX-XIII вв., не подвергавшегося анализу в общих или специальных работах. Всем, знакомым с литературой по истории Древней Руси, известны трудности интерпретации сведений арабских географов и историков, и многочисленность гипотез в их толковании: достаточно вспомнить попытки локализации "острова (или полуострова) русов", определения "третьего вида русов". Современный французский арабист, специалист по этнической географии мусульманского мира А. Микель пытается объяснить противоречивость и неполноту известий о русах у арабских авторов IX-X вв. путем разделения их сообщений на две группы: "русы, рассматриваемые издалека" и "русы, рассматриваемые вблизи". Но и такой метод не гарантирует надежного определения достоверности известий. Ибн Фадлан, видевший русов в столице волжских булгар, описавший погребение знатного руса, сообщает о "царе русов" сведения, улыбкающие им и вызывающие сомнения в их правдивости. С другой стороны, известия о действиях русов в Прикаспии и в Закавказье, обычно датированные, судя по контексту, связаны с достоверной информацией, хотя они подчас поступают "издалека".

3. Еще В.В.Бартольд внес изменения в направление изучения каспийских походов русов, отметив, что они "теонее, чем обыкновенно думают (В.В.Бартольд имеет в виду, скорее всего, Й.Маркварта, Ф.Вестберга и, учитывая осторожную форму высказывания, Б.А.Дорна. — В.В.), связаны с укладом русской государственности". В работе В.Т.Иащито "Внешняя политика Древней Руси" (параграфы "Русь и Хазария", "Русь и государства Кавказа и Азии" — последний написан А.П.Новосельцевым) положение, выдвинутое В.В.Бартольдом, подтверждено анализом всех основных данных источников, и выяснена связь действий русов в Прикаспии (аккуратнее Восточное Закавказье) с отношениями киевских князей с хазарами и Византией и конкретные мотивы этих действий. Если учесть, что для характеристики торговли и политики Древней Руси на Среднем и Нижнем Поволжье свидетельство арабских авторов также является важнейшим источником, остановится на том, что именно они позволяют нам восстановить главные события, связанные с внешней политикой Древней Руси X в. на востоке от ее границ.

4. Другой областью внешней политики Древней Руси, при исследовании которой арабские источники занимают важное место, являются русско-византийские отношения. Нередко арабские авторы сообщают то, о чем молчат или почти молчат византийские хронисты. Сообщения ал-Мас'уди (ум. в 956 г.), Ибн Зафара (1171-1226), Ибн ал-Асира (1160-1234) и других авторов зафиксировали роль русов в борьбе Византии с Хамданидами, ан-Нувайри (1279-1332) на основе более раннего источника сообщает об участии русов в действиях византийских войск в Сицилии. Несколько арабских историков отметили важную роль отрядов русов в разгроме мятежа Барды Фоки, о чем писали и византийские хронисты. Последнее, на удивление исследователей, в отличие от арабских авторов не говорят ничего о крещении Руси. Правда, наиболее ранние известия о христианизации Руси арабско-христианского историка Иахьи Антиохийского и везира халифа ал-Мухтади историка Абу-Шуджа' ар-Рудравары относятся уже ко

второй половине XI в. Эти свидетельства детально исследованы В.Р.Розеном (Иах'иа) и А.Е.Крымским совместно с Т.Г.Казмой (Абу Шуджа) и вполне заслуживают признания в качестве хрестоматийных. Сопоставляя эти сообщения с предшествующими данными арабских авторов, отметим, что в представлении об отношениях Византии и русов обе стороны, как правило, являются союзниками, русы "входят в сообщество ар-Рум (Византии)", а их важная роль в сравнении с другими союзниками отразилась в поэтическом образе "рус и рум" — двух сил, противостоявших Хамданидам, да и вообще военным силам мусульман, хотя, разумеется, знаменитого ал-Мутанабби, у которого впервые встречается это сочетание, прельстило и созвучие обоих слов. О враждебных отношениях русов и Византии пишет лишь Иах'иа Антиохийский, упоминая, что император Василий II обратился за помощью к русам — своим врагам. Как свидетельство враждебных отношений между русами и Византией можно рассматривать и сообщение Ибн Хаукала о том, что русы после захвата города Булгара и нападения на Хазаран, Самандар и Итил "тотчас же отправились в землю ар-Рум и в ал-Андалус", но вовсе не исключается, что речь идет о передвижении в связи с торговлей, хотя вероятность такого толкования меньше.

5. Арабские авторы не сообщают об условиях службы русов в византийских войсках, но из текстов, приводимых в "Повести временных лет", видно, что княжеская власть контролировала уход на службу в Византию "воев в помощь", рассматривала эту службу как выполнение обязательств союзника. Воины-русы сохраняли родовые связи, их имущество наследовалось на родине. Конечно же, степень связей русских отрядов с княжеской властью в Киеве была различной: если для русов, служивших Византии, такие связи прослеживаются, то о "славянах и русах" на службе хазарского каганата, упоминаемых в арабских источниках X в., и о русах в Баб ал-Абвабе (Дербенде), известных из анонимной хроники Та'рих ал-Баб, трудно сказать что-либо определенное на этот счет. Арабские источники засвидетельствовали лишь то,

что отряды русов и здесь сохраняли единство, не растворяясь в среде наемников, и принцип договорных отношений между ними и правителями хазар и Дербенда в целом был определяющим. В Хазарии подобные отношения были, как свидетельствует ал-Мас'ули, долгосрочными, и войско "русов и олавян" обладало определенным статусом в хазарской столице. В Дербенде правители прибегали к помощи русских отрядов эпизодически, и здесь русы действовали, насколько известно, с 987 г. как воины охраны правителя, его гуламы, но, по словам В.Ф.Минорского, "образовали вокруг него своего рода дружину". А в 1030 г. отряд русов вмешался в междоусобную борьбу в Арране и помог правителю этой области взять Байлакан, после чего через ар-Рум (т.е. какую-то область во владении Византии) вернулись на родину. В последующие три года походы русов на Ширван и южный Дагестан повторились. Это дает основание для догадки, что они были связаны с одним из центров Древней Руси, возможно, с Тмутараканью. Предполагать, что подобные походы могли быть организованы группами бродяжников, нет серьезных оснований, но следует признать вероятность того, что на северо-западе Каспия мог существовать неизвестный нам ближе центр деятельности русов в этом регионе: возникнув после походов Святослава, такой центр, или, по словам В.Ф.Минорского, "база русов", открывала возможность тех действий, о которых упоминается в анонимной хронике Та'рих ал-Баб и у Мас'уда ибн Намдара.

М.В.Бибииков

BIZANTINOPOLISSICA - ROSSOBIZANTINA

Тема "встречи", взаимовлияния культур различных народов и цивилизаций обсуждалась на всех последних конгрессах — как исторических, так и византиноведческих. На этот раз в формулировке проблемы акцент сделан не столько на моментах сближения и взаимопроникновения культур, сколько

ко на противопоставлении: образ "других", чужих, внешних сил. При таком повороте темы необходим сравнительный двух-сторонний "встречный" анализ, что в конкретном случае, при изучении русско-византийских взаимоотношений, выражается в формуле "Русь в византийских памятниках – Образ Византии в древнерусских произведениях".

Анализ разножанровых византийских произведений – памятников исторической мысли, риторических и поэтических сочинений, эпистолографии и агиографии, правовых документов, актов и др. – строится с учетом их типологических особенностей и жанровой специфики. Информационная значимость этих источников обусловлена литературными принципами жанра, традицией (восходящей к античности), стилистическими особенностями (языковые метафоры, внутренние цитаты, поэтические тропы). При этом византийские этнонимы не являются этниконами в узком и строгом смысле слова, но содержат широкий спектр географо-культурно-бытовых характеристик.

Устанавливается несколько уровней восприятия образа Древней Руси в Византии – от идущей от античности антитезы "варварского" мира, частью которого в глазах византийцев являлась Русь как наследница гомеровских гиперборцев, геродотовских киммерийцев, скифов или тавроскифов – до отраженного у Никиты Хониата осознания общности судеб двух средневековых государств. Показательно хорошее знание в Византии административно-политической структуры Древнерусского государства, его областей, центров, церковных епархий, этно-географических особенностей (Константин Багрянородный, *Notitia episcopatus*, тактиконы). В византийской литературе значителен удельный вес античных полумифологических реминисценций, книжных антикварных знаний, на сетку которых накладываются актуальные овидетельства, современные византийцам представления (Цец, Евстафий, Михаил Хониат). Анализируемые параллельно с литературными произведениями актовые и сигиллографические источники официального и полуофициального происхождения говорят об

углублению связей Византии с Русью с конца XI–XII вв., их интенсификации и обобщенном развитии.

Рассказы о Византии в памятниках Киевской Руси неоднородны. Они спорадичны в литературно-риторических произведениях (Слово о Полку Игореве, Александрия, Житие Александра Невского, Слово Даниила Заточника), систематичны, но тематически ограничены в летописях (сведения о походах на Царьград, о брачных связях и т.п.), и лишь в сочинениях, так или иначе восходящих к византийским оригиналам (Повесть о взятии Царьграда, Девгениево деяние), византийский материал оказывается в центре повествования. Византия называется в древнерусских текстах "Греческой землей", а ее столица Царьградом или Цесареградом, иногда – Костантинградом или Градом Костантином. Древнерусской этнонимии не свойственно принятое в Византии отождествление византийцев с римлянами – "ромеями". Вместе с тем византийская история в глазах русского агнографа становится основой периодизации всемирно-исторического процесса (в начале своем основанного на библейской традиции). Антикизированные свидетельства в древнерусских, даже переводных, памятниках составляют незначительный элемент.

Основное место в исторических повествованиях о Византии занимают сведения о поездках и походах киевских князей – исторических и легендарных – на Царьград, завершавшихся, как правило, получением дани. Внимание летописца фиксируется на роскоши, блеске, богатстве подарков или дани. Предметы роскоши являются и наиболее желанным на Руси византийским импортом. Драгоценными камнями, золотом, шелками украшаются русскими авторами одежда, сбруя коня, оружие византийцев. Блеск и великолепие церковной службы, производящей сильное эстетическое и эмоциональное впечатление на посланников князя Владимира, определяли, по мысли летописца, и "выбор веры" для Руси.

На Руси были известны и многие из византийских василевсов – от Константина I до Алексея IУ Мурчудла. Впрочем, "царь греческий" не является в глазах русских авторов са-

модернцем par excellence. Его авторитет не безусловен, у него ослынные соперники ("немечский кесарь" и др.), он бежит с поля битвы, судьбами византийского трона правят то "бояре", то советники, то "философы": древнерусские авторы с вниманием относятся к социальным силам, окружающим того или иного вассилевса.

Дифференцированному описанию византийского общества в древнерусских произведениях (не имеющему аналогии в византийской литературе по отношению к Руси) соответствуют и топографические наблюдения над византийской столицей. Византийские памятники, как было сказано, обнаруживают хорошее знание географо-административного устройства Древнерусского государства. Для Руси же византийский мир сконцентрирован в Константинополе. Исключением является Северное Причерноморье, Крым — зона непосредственных контактов двух культур. Подобно тому, как Киннам отмечает особенности русокого характера ("варварскую" простоту, неискушенность), психологические характеристики встречаются и в древнерусских памятниках, рассказывающих о "льстивых" (=хитрых) греках, их "прелеоти" (=коварстве), и одновременно — о красоте и рыцарственности византийцев.

Таким образом, культурно-исторический фон формирования представлений Византии и Руси друг о друге различен: в Византии, наряду с античной книжной, имела место традиция, связанная с непосредственными контактами; на Руси была распространена легендарная (церковная) традиция, основанная на информации и наблюдениях, возникших в ходе посольств, военных походов, путешествий. Особое место в Древней Руси принадлежит переводным и заимствованным из самой Византии произведениям. "Полицентризм" образа Руси в византийских памятниках противоположен образу Царьграда, олицетворяющему для Руси всю Византийскую империю. Пути же эволюции этих представлений и на Руси, и в Византии обнаруживают черты общности и свидетельствуют об их углублении. Стереотип "образа других" не остается неизменным, но подвергается трансформации в соответствии с соци-

ально-экономическими, политическими и культурными факторами исторического развития Древней Руси и Византии.

Г.В.Глазырина

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ
О БРАКЕ ХАРАЛЬДА СУРОВОГО И ЕЛИЗАВЕТЫ
ЯРОСЛАВНЫ

Главным источником сведений о браке норвежского конунга Харальда Сигурдарсона (Сурового) с русской княжной Елизаветой (Элвисив древнескандинавских памятников), дочерью Ярослава Мудрого и Ингигерд, является "Сага о Харальде Суровом, сыне Сигурда". Это произведение вошло в ряд компилятивных рукописей XIII-XIV вв. На русский язык фрагменты текста были переведены Е.А.Рыдзевской (М., 1978). Полный текст саги опубликован в составе "Хеймскринглы" Снорри Стурлусона (М., 1980).

Основные элементы сюжета хорошо известны. Вычленим из них лишь те, которые необходимы для дальнейшего разбора. Харальд в составе варяжской дружины несколько лет находится в Гардарики при дворе князя Ярослава; он отправляется в Византию, на север Африки, на Сицилию и пересылает оттуда все награбленные богатства в Новгород к князю Ярославу; по возвращении на Русь Харальд вступает в брак с Елизаветой Ярославной, а через некоторое время отплывает в Швецию. У Харальда и Елизаветы было две дочери — Мария и Ингигерд.

Материал других древнескандинавских источников не только совпадает с информацией разных редакций "Саги о Харальде", но и дополняет его, более подробно характеризует ряд обстоятельств. Так, упоминание в "Саге о Харальде" о богатстве, которое Харальд пересылает на Русь из Африки, не вполне понятно. Его объясняют аналогичные по содержанию сообщения, сохранившиеся в рукописях XIV в. "Flateyjarbók" и "Fulda", о том, что Харальд, находясь

на службе у Ярослава, посватался к Елизавете, но князь Ярослав отказал ему, сошная на то, что тот не имеет ни богатства, ни своего государства (Formannasögur. Kaupmannahöfn, 1831, b. VI, bl. 132-134; Flateyjarbók. Akranes, 1945 b. IV, bl. 59). Пересылая награбленное в военных походах ко двору князя Ярослава, Харальд доказывает, что обвинения князя несостоятельны: он — богатый человек и достоин быть его зятем.

Покидая Русь после свадьбы с Елизаветой, Харальд, как можно понять из источников, увозит с собой значительную часть своей казны. У Елизаветы он оставляет, как следует из сообщения "Пряди о Хеминге, сыне Аслака" по рукописям "Hauksbók" и "Flateyjarbók" (Hauksbók. Kjöbenhavn, 1892-1896, bl. 331), лишь незначительную ее часть, которую вместе с приветственным посланием от княгини привозят позднее в Норвегию доверенные лица Харальда. Эта информация косвенно свидетельствует о том, что после отъезда Харальда его супруга Елизавета осталась на Руси. Прямых же свидетельств о том, что Елизавета поехала с Харальдом в Швецию, нами не обнаружено. В дальнейшем повествовании о пребывании Харальда в Норвегии о Елизавете не говорится, за исключением упоминания в "Хеймскрингле" о посещении ею Шетландских островов.

В источниках ("Сага о Харальде", "Пряди о Хеминге, сыне Аслака") неоднократно упоминается о втором браке Харальда, заключенном им в Норвегии. Женой Харальда стала Тора, дочь Торберга Арнасона, одного из самых могущественных хвэдингов в Норвегии в середине XI в. У Харальда и Торы было два сына. По сообщению "Пряди о Хеминге" по рукописи "Hauksbók", не имеющему аналогов в других источниках, Харальд укрепил союз с семьей Торберга Арнасона, выдав свою дочь Марию замуж за его сына Эйстейна (Hauksbók, bl. 333). По свидетельству "Саги о Харальде", Харальд лишь обещал выдать Марию замуж за Эйстейна.

В связи с изложенным выше материалом встает вопрос о той роли, которую играл или должен был сыграть брак

норвежского конунга Харальда Сурового и русской княжны Елизаветы Ярославны во внешнеполитических связях двух государств. На наш взгляд, древнескандинавские источники дают основания полагать, что данный брак был заключен по инициативе Харальда Сурового, стремившегося в лице Ярослава Мудрого найти поддержку в борьбе за власть в Норвегии и Дании. Союз с Русью не дал ожидаемых результатов, поэтому Харальд после отъезда из Руси около 1044 г. переориентируется и начинает опираться в своей борьбе на поддержку сил внутри Норвегии, спидетельством чего является установление родственных связей с норвежской знатью.

А.А.Горокий

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ XIII ВЕКА В "ЗАДОНШИНЕ"

Во вводной части "Задонщины" упоминаются и сопоставляются четыре исторические эпохи: 1) "Первых лет времена", эпоха первых русских князей X-XI вв.; 2) Эпоха битвы "на реке на Каяле" 1185 г., воспетая в "Слове о полку Игореве", произведении, которым широко пользовался автор "Задонщины"; 3) эпоха "Калатской рати" 1223 г., т.е. монгольского нашествия XIII столетия; 4) эпоха Куликовской битвы ("Мамаева побоища") 1380 г. Первая и четвертая эпохи оцениваются как "славные" времена, вторая и третья - как времена "невеселья", "тужи" и "печали". Двум первым эпохам соответствуют певцы, их воспевшие. С эпохой "первых князей" связано имя Бояна, известное из "Слова о полку Игореве". В "Слове" охарактеризована творческая манера Бояна, перечислены князья, которых он воспевал, и приведены два примера того, как воспел бы Боян поход Игоря. В "Задонщине" дается перечень (измененный по сравнению со "Словом") князей, прославлявшихся Бояном, и использованы обе заповки, связанные в "Слове" с его именем, то есть названо имя певца "славной" эпохи и использовано его творчество (в той мере, в какой оно было доступно автору "Задонщины" - через "Слово"). Со второй эпохой связан глав-

ный источник творческого вдохновения автора "Задонщины" – "Слово о полку Игореве". Имя его было, по-видимому, неизвестно, и автор "Задонщины" его не упоминает. Текстом этого произведения он пользуется на протяжении всего повествования.

В "Задонщине" обнаруживаются заимствования и из произведения, посвященного эпохе нашествия XIII века – "Повести о разорении Рязани Батыем". Можно выделить шесть фрагментов "Задонщины", обнаруживающих явную текстуальную и идейную связь с этим памятником. Параллели располагаются довольно равномерно по течению "Задонщины". В первой ее части (сборы и поход) – I заимствование, во второй (первый этап боя, неудачный для русских) – 2, в третьей ("плач жен") – 0, в четвертой (второй этап боя, победный) – 2, в пятой (после боя, бегство татар и торжество русских) – I. Манера заимствований в "Задонщину" из "Повести о разорении Рязани Батыем" очень сходна с манерой заимствований из "Слова о полку Игореве".

Заимствуемые фрагменты не приводятся дословно, а творчески перерабатываются. Их порядок в "Задонщине" не зависит от расположения исходных фрагментов в "Повести". В одном из фрагментов использован прием "обратного параллелизма" – перенесения на татар того, что в "Повести" относится к русским.

Во вводной части "Задонщины" названо имя Софония: автор "Задонщины" вспоминает его, переходя от исторического экскурса к повествованию о событиях 1380 года. Софоний назван в качестве автора в заглавиях двух списков "Задонщины" и шести списков "Сказания о Мамаевом побоище". Еще в одном списке "Сказания" вставка из "Задонщины" сопровождается ссылкой на "списание, изложение Софония, переез рязанца". Кроме того, имя Софония упоминается в Тверском сборнике (XVI в.) под 1380 г. и в записи второй половины XV в. на пергаментной рукописи Пандектов Никона Черногорца. Представляется вероятным предположение, что возникновение традиции, приписывающей Софонии авторство

произведений Куликовского цикла, связано со сложением в XV в. сокращенного варианта "Задонщины" (представлен Кирилло-Белозерским списком), где имя Софония было перенесено в заглавие произведения. Если исходить из сопоставления исторических эпох в "Задонщине", то имя Софония должно быть связано с эпохой нашествия XIII века. В этом случае противопоставлению эпох точно соответствуют противопоставление поэтических произведений и противопоставление певцов. Первой ("позитивной") эпохе соответствует Боян и фрагменты его творчества, известные через "Слово о полку Игореве". Второй ("негативной") соответствует автор "Слова" и его произведение. Этот автор не назван по имени, но к нему относятся "помянутие" Бояна — именно в противоположность автору "Слова" автор "Задонщины" говорит "аз же помяну резанца Софония". Третьей ("негативной") эпохе соответствует Софоний и фрагменты из "Повести о разорении Рязани Батыем". По-видимому, Софоний был в эпоху Куликовской битвы тем лицом, которому приписывалось авторство этого произведения.

Таким образом, эпоха монгольского нашествия нашла значительное отражение в "Задонщине". Неудачи в борьбе с кочевыми языческими народами, начавшиеся с поражения Игоря на Каяле и достигшие катастрофических пределов в результате нашествия XIII века, сменялись временем побед благодаря единению русских сил — такова основная идея, вытекающая из исторической концепции автора "Задонщины".

Ф.Д.Гуревич

О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ РУСИ XII-XIII вв. С ВИЗАНТИЕЙ И СТРАНАМИ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА

I. В Ипатьевской летописи и некоторых других письменных памятниках сохранились немногочисленные и отрывочные сведения о связях Полоцкой и Туровской земель, а так-

ле территории Белорусского Пономанья с Византией в XII-XIII вв. Сообщается о брачных союзах, высылке полоцких князей "в Греки" и их возвращении, паломничестве Ефросиньи Полоцкой и попытке правителя Новогрудка попасть на Афон ("Святую гору"). Эти скудные свидетельства интересны тем, что в них отражены непосредственные контакты западнорусских князей с Византией.

2. Прямые связи Византии и Западной Руси можно видеть на примере отдельных западнорусских памятников монументального зодчества. Исследования М.К.Каргера и П.А.Раппопорта показали, что храмы Благовещения в Витебске и Бориса и Глеба в Новогрудке в XII в. возводила византийская строительная артель. Об этом свидетельствует характерная для Византии кладка данных храмов, состоящая из чередующихся рядов тесаных камней и кирпичей. По-видимому, византийский зодчий принимал участие в сооружении таких храмов в Полоцкой земле, как усыпальница Ефросиньего монастыря и церковь на Нижнем замке Полоцка.

3. В итоге археологического изучения древних городов на территории Западной Руси выяснилось, что там были разнообразнейшие изделия XII и XIII вв., изготовленные в Византии или в зависимых от нее землях и в странах мусульманского Востока. Импортными товарами пользовались социальные верхи городского населения. Особенно много находок этого рода происходит из древнего Новогрудка, на территории которого открыт богатый городской квартал.

Наиболее многочисленные находки из византийских колоний Северного и, вероятно, Западного Причерноморья — амфоры, в которых доставлялись вино, масло и иная снедь. Фрагменты амфор и целые сосуды, типичные для XII и XIII вв., найдены в 18 западнорусских городах.

В Новогрудке и Турове найдены замечательные образцы стеклянных сосудов из константинопольских и провинциально-византийских мастерских. Сосуды, среди которых преобладали кубки, флаконы и чаши, сделаны из бесцветного или цветного тонкого стекла и расписаны золотом, нередко в

сочетании с цветными эмалями. Единственной находкой на территории Древней Руси является новгородский толстостенный кубок с резным орнаментом. В ряде древнерусских городов были найдены византийские стеклянные украшения: бусы, браслеты и вставки для металлических украшений. Из Византии происходят также нагрудные иконки из камня и стекла. В западнорусских городах появляются местные подражания византийским вещам (резная кость, поливная керамика, каменные резные иконки).

4. В быту богатых горожан Западной Руси распространились стеклянные сосуды сирийского происхождения. Они встречаются чаще, чем византийские, и найдены в Новгороде, Гродно, Слониме, Турове, Витебске и Мстиславле. Сирийские сосуды восстанавливаются в форме кубков, чаще всего из бесцветного стекла, расписанных золотом и цветными эмалями и иногда снабженных арабскими надписями. Сирийские сосуды западнорусских городов были оделаны в отеклоделательных мастерских городов Гакка и Алеппо.

В Полоцке, Лукомле и Новгороде найдены фрагменты фаянсовых сосудов с листоватой росписью, выделявшиеся в Иране. Полностью восстановленный сосуд из Новгорода представлял собой двенадцатилопастную чашу на поддоне с краснокоричневой двусторонней росписью. От другой чаши сохранилась придонная часть с рельефным орнаментом, нанесенным кобальтом и марганцем. Помимо чаш, среди иранской фаянсовой посуды были закрытые, в том числе миниатюрные сосуды, роспись которых была нанесена лишь снаружи. Производством такой посуды славилась, в первую очередь, города Рей и Кашан.

5. Пути, по которым византийско-восточные товары доставлялись в Западную Русь, можно себе представить следующим образом: большая посредническая роль в переправке импорта принадлежала средневековому Харсону — важнейшей византийской колонии в Северном Причерноморье и одновременно крупному ремесленному и торговому центру, связанному также с странами Востока. Почти все привозные изде-

лия из Византии, Сирии и Ирана, найденные в Западной Руси, имеют аналогии в археологических материалах Херсонеса. Собственную продукцию этого города, заполнявшую амфоры, и византийско-восточные товары отправляли вверх по Днепру в Киев, откуда они развозились в древнерусские земли и, в том числе, в города Западной Руси. Мелкие и недорогие вещи, производившиеся в Византии (иконки, украшения), могли попадать с паломниками, число которых в XII в. заметно возрастает.

Особенность импорта из Византии и стран мусульманского Востока, попавшего в Западную Русь, состоит в том, что он проникает, наряду со стольным Полоцком, в небольшие города этой земли, ставшие в XII в. центрами небольших княжеств со своей знатью. Ей и предназначались данные товары.

Остается неясным, какой эквивалент могли предложить города Западной Руси за попавшие к ним редкостные товары. Возможно также, что не все они появились в итоге торговых сделок. Часть дорогих вещей могла быть приобретена внеэкономическим путем (дары, военная добыча).

Я.Р.Дашкевич

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ИРАНЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

I. На протяжении последних десятилетий усилилась тенденция к пересмотру давно устоявшихся и превратившихся в традиционные для историографии Древней Руси воззрений на этнический состав населения как Древнерусского государства, так и его окружения. Новые взгляды явились реакцией, с одной стороны, на представления о почти исключительно славянском характере населения Древней Руси, с другой — на трактовку южных и юго-восточных его соседей как перманентную смену тюркских кочевых этносов. Научная постановка вопроса о политэтническом характере Древней Руси в значительной степени связана с именем В.Т.Пашуто, который

внес также большой вклад в изучение дипломатических – и не только дипломатических – взаимоотношений Древнерусского государства и его соседей.

2. Выдвигаются гипотезы, призванные по-иному оценить роль иранского элемента при формировании восточного славянства, а также сопредельных этносов причерноморских и прикаспийских степей. Традиционная схема истории Восточной Европы закрепляла за иранскими народностями (скифы, сарматы, аланы) историческую роль для периода, на несколько столетий предшествовавшего формированию Древнерусского государства. Считалось, что для времени после Великого переселения народов можно говорить только об иранских реликтах, сохранившихся в горных регионах Крыма или же полностью туркизированных в степях северо-восточного и северо-западного Причерноморья. Возможному участию иранцев в этногенезе восточных славян не уделялось внимания, а внешнеполитические контакты отодвигались на Северный Кавказ.

3. Более глубокий анализ письменных источников, использование лингвистических (топо- и гидронимических) данных, реинтерпретация памятников материальной культуры послужили обоснованием для новых гипотез. Гипотезы и другие построения распылены по различным публикациям. Нами предпринята попытка рассмотрения их в едином комплексе с целью определения наиболее перспективных направлений исследований.

4. Все больше внимания привлекает вопрос о предполагаемой миграции аорсов через причерноморские степи на Запад. Аорсов идентифицируют с аланами, а антов рассматривают как пограничный, выдвинутый на Запад славянизированный этнос иранского происхождения.

5. Намечается отход от трактовки салтово-маяцкой культуры как культуры преимущественно тюркской. Полиэтничность культуры явилась отражением сосуществования конгломерата этносов, среди которых аланы (седентаризированный, некочевой этнос) занимали господствующее положение. Выдвигаемая интерпретация бросает другой свет на культуру,

генетически связанные с салтово-маяцкой (волищевская, роменская).

6. Возобновилась дискуссия вокруг роли алан в образовании объединения белых хорватов, взаимоотношений между верхушкой хорватов и славянистскими и иными субстратами прикарпатских территорий.

7. Сугров, Шарукань, Галин (Балин) – летописные города первой половины XII в., расположенные над Северским Донцом, – считаются ядром поселениями, подчиненными Половецкому племенному союзу. Другими территориями концентрации аланского населения в домонгольскую эпоху являются Приазовье и горный Крым.

8. Монголо-татарское нашествие привело к значительным перемещениям алан и очередной трансформации славяно-иранских контактных зон. Часть алан мигрировала вместе с половцами в Венгрию, но в Крыму сохранялась так называемая Малая Алания. Из среды аланской верхушки выделились владельцы городов-княжеств Крыма. Аланы входили в состав военных сил золотоордынских ханов и их наместников. Они занимали видное место в купеческой прослойке городов Крыма и Поволжья. Ассимиляция ирано-юанов Причерноморья завершилась на протяжении XIV в. Возможно, тогда же и придунайские аланы (готаланы) окончательно ушли на Балканы.

9. Комплексное рассмотрение проблемы иранцев Южной Руси и Северного Причерноморья доказывает необходимость пересмотра сложившейся традиционной схемы. Гипотетические построения, относящиеся к периоду, предшествовавшему образованию Древнерусского государства, нуждаются в строго критическом подходе – на некоторых из них замечен отпечаток выраженного субъективизма. С другой стороны, не подлежит сомнению важная роль иранцев в Восточной Европе XI–XIV вв. Ирано-древнерусские взаимоотношения XI–XIV вв. не сводятся к простым этнокультурным контактам. Заметно стремление оседлых алан-ясов к созданию небольших автономных образований феодального типа. Алано-русские княжеские браки, служба аланской аристократии у русских князей, видная

роль ираноязычного купечества в торговле Восточной Европы дают основание отнести ряд проявлений русско-иранских связей к разряду важных международных контактов, нуждавшихся в обобщении также с точки зрения дипломатической истории Древней Руси.

Т.Н.Джаксон, Д.А.Мачинский

СВЯЗИ СЕВЕРНОЙ РУСИ И БЕЛОМОРЬЯ В IX-XIII вв.

(ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

1. В.Т.Пашуто указывал, что "взаимоотношения Руси с подвластным ей кругом неславянских народов имели существенное влияние на ее внешнюю политику", а потому в рамках проблемы славяно-скандинавского социального и культурного синтеза выделял вопрос о сложении подвластной Руси вассальной иноязычной сферы на северо-западе, и в частности о включении под власть Руси Бьярми.

2. Записанный в конце IX в. королем Уэссекса Альфредом рассказ халогаланца Оттара о его поездке в землю бьярмов (*Beorgmas*) позволяет однозначно локализовать эту землю (исходя из очень ясного и подробного описания маршрута) на южном берегу Кольского полуострова, начиная от устья рек Стрельны или Варзуги и далее на запад.

3. Сохранившаяся в ряде рукописей XIV-XV вв. "Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна" содержит уникальную информацию о связях южного Приладожья с Бьярмландом (в контексте саги - юго-западное Беломорье и, возможно, южное побережье Кольского полуострова). По саге, главными городами Гярдарики являются Альдейгъборг (Ладога) и Алаборг, географическим и социально-политическим параметрам которого великолепно соответствует безымянный городок IX-X вв. на реке Сясь у д. Городище. Поскольку жизнь на городке прекратилась до появления в этих местах гончарной керамики, т.е. до 930г., можно предполагать, что в основе саги лежат события, происходившие не позднее этой даты. В саге намече-

ны четыре пути проникновения скандинавов и жителей Гардарики в Бьярмаланд: а) из Халогаланда вокруг Кольского полуострова; б) из средней Швеции к Беломорью; в) из северо-западного Приладожья (видимо, через Сайменские озера и реку Кемь); г) из южного Приладожья (через Свирь и Онегу и далее, вероятно, вдоль Выга и по Суме). Наиболее настойчиво сага свидетельствует о четвертом пути. При этом из нее явствует, что лежащая на этом пути область Кирьялаботнар (северное Заонежье) непосредственно соседит с Бьярмаландом (между ними не названы какие-либо области, реки или пути), который, таким образом, соответствует юго-западному Беломорью. Правда, одно место саги можно понимать как указание, что какая-то периферийная часть Бьярмаланда лежала и к северу от Белого моря, т.е. совпадала с окраинной землей бьярмов, достигнутой Оттаром.

4. Те же четыре пути проникновения в Бьярмаланд выявляются при анализе материалов, собранных в "Деяниях датчан" Саксона Грамматика (рубеж XII-XIII вв.). Особо следует отметить путешествие Старкада с территории Руса в Бьярмаланд. В "Деяниях датчан" содержится указание на существование двух Бьярмий (топоним "Бьярмия внешняя"), возможно, соответствующих двум древнейшим несовпадающим (или лишь частично совпадающим) локализациям Бьярмаланда в рассказе Оттара и в "Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна". Анонимная "История Норвегии" (ок. 1170 г.) также подтверждает некую "двуучастность" Бьярмии ("те и другие бьярмонны").

5. Локализация Бьярмии на картах Олауса Магнуса (1539 г.), Меркатора (1554 г.) и Фикклера (1567 г.) позволяет помещать ее как на Кольском полуострове, так и в юго-западном Беломорье по соседству с озером Онега. На картах К.Дутса (1589 г.) и К.Лёва (1597 г.) Бьярмия помещена в восточной части Кольского полуострова, севернее Кандалакшской губы и по соседству с новгородским поселением Коле. На карте Меркатора 1538 г. западнее "Колмогора" (низовья Сев.Двины) на берегу моря помещена некая "Пермака".

6. Полагаем, что, по аналогии с двумя Ботниями (за-

падной и восточной), двумя Лаппами (западной и восточной) и, вероятно, "двумя Квенландами" средневековых карт и письменных источников, разделенными Ботническим заливом Балтийского моря, два Бьярмаланда были разделены Белым морем и его Кандалахским заливом, а суммарно охватывали всю западную половину Беломорья между реками Онега и Стрельна (или Варзуга). Видимо, эту область и имеют в виду договорные грамоты Новгорода с великими князьями в 1264 и 1304-1305 гг., когда называют между Заволочьем (в состав которого входило и нижнее течение Северной Двины) и Тре (Терский берег, начинавшийся к востоку от Варзуги) волость Колоперемь, во второй части названия которой (-перемь) можно усмотреть тот же корень, что и в *Beorga* Оттара и в *bjarmer* скандинавских источников; первая часть композита, вероятно, говорит о том, что на западе эта область простиралась до озера Колоярви (на карте Олауса Магнуса) и истоков реки Колы, давших название Кольскому полуострову.

7. Сведения саг (родовых, королевских и о древних временах) тоже отвечают такому пониманию топонима, поскольку саги, как правило, говорят о пути "на север в Финмарк и дальше вплоть до Бьярмаланда", называют в качестве промежуточных точек несколько островов у северо-западного побережья Норвегии и у побережья Финмарка. Три сюжета ооодержат имя Бьярмийской реки - "Вина". Своим появлением в сагах эта река обязана использованной авторами саг строфе скальда второй четверти X в. Глума, сына Гейри.

Внимания заслуживает сообщение "Саги о Хаконе, сыне Хакона" (записана в 1264-1265 гг.), говорящее о поездке группы скандинавов в первой четверти XIII в. из Бьярмаланда в Суздальское княжество. В записанной в XIV в. "Пряди о Хауке Длинные Чулки" также рассказывается о посылке экспедиции в "Суздальскую землю и Бьярмаланд".

8. Не исключаем того, что в некоторых случаях название "Бьярмаланд" могло применяться и к низовьям Северной Двины ("Вини" саг). Однако пока единственным серьезным до-

водом в пользу этого остается наличие созвучных названий этой реки в славянском (Двина), финском (viina) и скандинавском (vîna) языках. В то же время ряд данных говорит против отождествления vîna – "Северная Двина". Так, в скальдике этот гидроним нередко выступает метафорическим обозначением реки вообще (ср.: "Вина" – река в вилсе скальда Х в. Эгиля Скалагримссона, посвященной гибели в Англии его брата Торольва; "Вина" в сложном кеннинге поэзии в вилсе скальда Х в. Эйнара Скалагламма). Соответственно, изменение семантики топонима "Бьярмаланд" и приурочение его к Подвинью, если оно имело место в сагах, могло произойти лишь в результате соотносечения скальдической "реки Вины" с реальной рекой – Северной Двиной, – ставшей известной скандинавам в результате их плаваний в Белое море.

Саги о древних временах называют "устье Вины", отмечают "много островов" и "мыс" в низовьях ее, но речь при этом идет о действиях на суше: ни разу скандинавы не плывут на кораблях вглубь страны. Такая ситуация, при страсти викингов к прокладыванию водных маршрутов, могла иметь место лишь в том случае, если плавание вверх по течению было невозможно из-за сильной порожи́стости реки. Это предположение подтверждается свидетельством Саксона Грамматика, что у северных рек в русле – скалы и шумящее течение. Подобная характеристика подходит к рекам западного Беломорья (более всего к Выгу) и никак не подходит к Северной Двине. Кстати, древнее название Выга, зафиксированное в древнейшей купчей грамоте 1419-1420 гг. – "Сорока" (от финск. sari-joki, "река островов").

9. Непосадалеку от Бьярмаланда, севернее его, на побережье материка или на острове на пути в Финляндию, источники помещают "Землю великанов", чаще всего обозначаемую в сагах как "Рисатанд". И по сагам, и по сведениям восточных авторов (Кни Фалган) она может быть локализована на Соловках и на восточном побережье Кольского полуострова. В перечислении богатств Бьярмаланда наряду с мехами, серебром, серебряными монетами, иногда называемое золотом,

золотые и позолоченные вещи. В то же время в одной из двух норвежских рунических надписей, отмечавших поездку в Восточную Европу, говорится о "грузе золота", привезенном "на корабле" из Рисаланда. О возможном наличии золота в Беломорье свидетельствует факт промышленной добычи золота на Вошском руднике у истоков нижнего Выга из Выгозера в 1745-1794 гг. Уже в купчей 1419-1420 гг. упоминается порог Золотец на нижнем Выге, название которого, возможно, как-то связано с более древней добычей золота в этих местах.

10. Последнее историческое известие, связанное о Бьярмаландом, - рассказ "Саги о Хаконе, сыне Хакона" о том, что в правление Хакона IV Старого (1217-1263 гг.) бьярмины бежали в северную Норвегию "от немирья татар". Один из авторов доклада пытался связать это сообщение о военных действиях татар 1237-1240 гг. и в вызванными ими подвижками населения. Однако анализ саги в сопоставлении с данными русских летописей позволяет реконструировать события несколько иначе:

а) В 1251 г. Александр Невский заключает договор о Хаконем Старым о разграничении русских и норвежских даней в районе Кольского полуострова, однако этот договор продержался недолго.

б) В 1252 г. татарское войско под водительством Неврия обрушилось на Русь, разгромив брата Александра, Андрея Суздальского, который вынужден был бежать "за море во Свеискую землю".

в) В 1253 г. (по восстанавливаемой для саги хронологии) мы видим Андрея Ярославича в Швеции в войске ярла Биргера.

г) В 1257-1259 гг. великий князь Александр Невский, подавляя сопротивление сына Василия и новгородцев, вводит поголовное обложение податями в пользу хана Золотой Орды. Скорее всего, первое место в составе податей занимали меха, которыми славилась Бьярмия. Видимо, в это-то время от притеснений татарских и русских оборщиков податей и бегут

на север Бярмы (неслучайно в оаге об этом говорится значительно позже рассказа об Андрее Суздальском в Швеции). Вероятно, в это время область Колоперь (*Бярмаланд) и входит в состав владений новгородского князя, хотя ранее она была независима и, возможно, связана с Суздалем более тесно, чем с Новым городом.

II. Географическое сочинение последней четверти XII в. (с условным названием "Описание земли Г"), а также восходящее к нему в интересующей нас части сочинение XIV в. "Трипла" говорят о даннической зависимости Бярмаланда от Гардарики (Руси). Смутные отголоски каких-то военно-даннических контактов северной Руси и Бярмаланда содержатся в рассказах "Дряди об Эймунде, оне Хринга" о нападении бярмов на Хольмгард и Иоакимовской летописи о подчинении князю "Гардарики" "всей Бярмы до [реки] Кумени".

С.В.Завадская

ЧЕТВЕРТАЯ МЕСТЬ КНЯГИНИ ОЛГЫ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ВИЗАНТИЙСКИЙ ХРОНОГРАФ

Изучая социальную терминологию раннего периода древнерусской истории, мы обратили внимание на легенду об уничтожении княгиней Ольгой древлянского города Искоростеня. Этот летописный рассказ находится в Повести временных лет и помещен под 946 годом. В нем упоминаются "старейшины града", которые были подвергнуты наказанию киевской княгиней.

По мнению исследователя лексики Повести временных лет А.С.Дьвова и по нашим наблюдениям над древнерусскими источниками XI-XIV вв., термины лексической группы "старейшина (-ны)" в источниках этого периода имеют по преимуществу книжное происхождение и наиболее часто появляются в переводной литературе. Включение "старейшин града" в повествование о событиях, зафиксированных в Повести временных лет под 946 годом, рассматривалось поэтому как

подтверждение предположения о наличии в летописных сводах раннего периода смешанной терминологии, характеризующейся употреблением в текстах оригинальной и книжной по происхождению лексики.

В историографии вместе с тем существует представление об отсутствии литературного приема в сообщении летописца о судьбе жителей Искоростени (ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964, С. 37). Однако появление книжного термина "старейшины града" в легендарном предании об Ольге вызвало сомнения в вышеназванном заключении. Более пристальный анализ летописного рассказа позволил выявить дополнительное свидетельство в пользу мнения о наличии литературного влияния в записи легенды о четвертой мести княгини Сльги.

В рассказе летописца о событиях 946 года выделяются три основных сюжетных компонента: хитрость Ольги и сожжение города при помощи "голубей и воробьев"; захват города и расправа с его жителями; установление даннических отношений в древлянской земле. Как уже отметили исследователи (Васильевский В.Г., Рязанская Е.А.), первая часть этого повествования представляет собой фольклорный бродячий сюжет об "огненосных птицах", используемых для взятия неприступных городов. Сюжет известен как в ближневосточных преданиях, так и в скандинавской литературе. Мы хотим обратить внимание на вторую часть повествования, в которой присутствует книжный термин "старейшины града":

"... И повелъ Ольга во всемъ своимъ имати е, яко взъ градъ и пожже и; старейшины же града изънима; и прочахъ люди оныхъ изби, а другиа работъ предастъ мужемъ своимъ..." (ПСРЛ. Т. I. Стб. 59).

По всей видимости, описание расправы над горожанами приближено составителем Повести временных лет к аналогичному описанию взятия и разграбления Иерусалима Навуходоносором из Хроники Георгия Амартола. В тексте же повеления Ольги в отношении пленных людей можно видеть практически прямое совпадение ее формулировки с распоряжением вавилонского царя в Хронике: "... прочихъ жидовъ нарочи-

тнхъ, ведъ къ Навходоносороу, швѣхъ же [умрѣти, другихъ] работѣхъ предасть къ земь своимъ..." (Истрин В.М. Хроника. Т. I. С. 175).

Влияние Хроники Георгия Амартола и его продолжателя на автора Повести временных лет хорошо прослежено в историографии (Шахматов А.А., Истрин В.М., Творогов О.В.). Вместе с тем новое подтверждение этого факта на примере сюжета, традиционно рассматриваемого как запись легенды, имеющей по-преимуществу фольклорные корни, позволяет надеяться на возможное углубление наших знаний при сравнительном изучении этих двух памятников письменности древнерусского периода. Не менее интересен и тот момент, что косвенно выявил литературное влияние повлиявший в тексте книжный термин, послуживший положительным ориентиром в исследовании.

Т.М.Калинина

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРИНЯТИИ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

Средневековые восточные источники содержат ряд сведений о христианстве на Руси. По сюжетам эти известия можно разделить на три группы.

Первая группа содержит данные, опирающиеся на общие представления ряда восточных авторов, о том, что русы исповедывали христианство. Так, еще в IX в. Ибн Хордадбеж отмечал, что кушан-русы в Багдаде называли себя христианами и уплачивали мусульманским властям подушную подать, взимающуюся с иноверцев — джизью. В X в. ал-Истахри отмечал, что славяне, русы, население государства ас-Сарир (в северном Дагестане), аланы, армяне и прочие, кто исповедовал христианство, относились к государству ар-Рум, т.е., по смыслу, были вместе с Византией одного вероисповедания. Схожее представление выказывал в XIII в. Абу-л-Фарадж Бар Гебрей, который, рассказывая о христианстве во

времена Константина Великого, упоминал, что христианами стали и галисийцы, славяне, болгары на Дунае, руон, ала-ны, армяне, грузины; в другом месте своего сочинения он упоминал среди христианоких народов франков, русов, окрийцев и армян.

Другая группа источников рассказывает о крещении Руси в 80-х гг. X в. (дата колеблется от 985 до 989 гг.). Связывается это событие с византийско-русскими политическими отношениями. Сочинения Иахьи Антиохийского (XI в.), Абу Шудж ар-Рудравари (XI в.), Ибн ал-Аспра (XIII в.), Ибн ал-Амида ал-Макина (XIII в.) сообщают о военном союзе Византии и Руси в борьбе против Варды Фоки, женитьбе царя русов на сестре императора Василия и связанном с этим союзом принятии русами христианства. Исследователи привлекают эти свидетельства для сопоставления с аналогичного рода данными византийских и русских хроник. Следует отметить, что названные выше три последних, поздних хронологически, автора, в своей информации заимованы от двух первых. Сопоставление же материалов о крещении Руси в приведенных Иахьи Антиохийского и Абу Шуджи ар-Рудравари показывает, что и они, вероятнее всего, восходит к общему первоисточнику.

Третья группа восточных авторов передает сведения совершенно иного характера. В трудах Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази (XII в.), Саид ад-Дина Мухаммеда ал-Ауфи (XIII в.), Шукруллы ибн Шихаб (XV в.) содержится рассказ о принятии русами христианства, но последующем переходе их в ислам. Первым источником сведений ал-Ауфи был, по-видимому, ал-Марвази; данные Шукруллы ибн Шихаб, несомненно, компилятивного характера. Ал-Марвази в своей информации о русах обнаруживает три пласта известий: один - восходящий к более ранним источникам известный рассказ о русах на острове, окруженном водой (у ал-Марвази - "в море"), - рассказ, принявший к XII в. характер устоявшейся легенды; другой - не встречающийся в более ранних произведениях рассказ о принятии русами христианства при Вла-

димире, имя которого он считает титулом русского правителя; неудачах, постигших русов вследствие этого, и последующем обращении их в ислам, при посредстве правителя Хорезма; третий пласт известий – литературного характера о разбойных нападениях русов на Константинополь, победах Черного и Каспийского морей и, в частности, на Бердаа. Исследователи, касавшиеся сюжета о принятии русами христианства и переходе их в ислам, единогласно пришли к мнению, что информация исходила из Хорезма, связанного торговлей с мусульманской Волжской Болгарией, и согласуется до некоторой степени с рассказом Повести временных лет об испытании веры Владимиром, где ислам представляли ему именно волжские болгары. Вместе с тем ученые указывали на несомненный литературный характер свидетельства, имевший антихристианскую направленность, в то время как Повесть временных лет, наоборот, подчеркивала идею возвышения христианской религии над другими. Реалиями, обусловившими сложение легенды о переходе русов в ислам, могли служить правление в течение конца X – XI в. правителей с именем Владимир на Руси (Владимир Святославич, Владимир Ярославич, Владимир Ростиславич), что могло повлиять на представление арабов о титуле "Владимир" на Руси у князей; неудачный поход 1043 года на Византию, совершенный Владимиром Ярославичем, что могло повлиять на представление о "притуплении мечей" русов после принятия христианства; служба наемных отрядов русов у мусульман – например, у правителя Дербента в 90-х гг. X в. По данным "Истории Ширвана и Дербента", от этих русов требовали принятия ислама. В данном конкретном случае этого не произошло, но в других условиях наемные отряды русов могли, будучи в мусульманской среде, принимать ислам, – так же, как это делали в IX в. русы, обращаясь в христианство в отдаленных землях, как было отмечено выше.

"КОРСУНСКАЯ ЛЕГЕНДА" ЛЕТОПИСИ В КОНТЕКСТЕ
РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА X-XI ВВ.

Древнейшая из сохранившихся летописей, составленная в Киеве в начале XII в. "Повесть временных лет", представляет собой важнейший источник по истории внешнеполитических связей Киевской Руси, в частности - русско-византийских отношений IX - начала XII вв. Исключительно сложный по составу, этот свод вообрал в себя по меньшей мере три предшествующих ему киевских летописи, что впервые показал А.А.Шахматов.

Введение христианства на Руси ее правящей верхушкой в качестве господствующей идеологической системы отражено в "Повести" в основном в статьях 986-988 гг. Эти статьи, на наш взгляд, составляют своеобразную летописную повесть о "крещении Руси", поскольку, при хронологической несинхронности этих статей и их частей, а также неоднородности их источников, объединены общими идеями, прежде всего - идеей духовной и политической независимости, суверенности Древнерусского государства в деле принятия новой идеологии. Заключительная часть этой летописной повести, статья 988 г. рассказывает о нападении русокой рати под водительством киевского князя на византийский город Херсон в Крыму: "Иде Володимер с вой на Корсунь, град гречьский, и затворишаоя корсуняне в граде..." Прибегнув к военной хитрости, князь овладел Херсоном, крестился и женился в этом городе на византийской принцессе Анне.

В начале нашего столетия А.А.Шахматов исследовал этот рассказ летописи Нестора и назвал его "Корсунской легендой", подчеркнув тем самым легендарность по меньшей мере части его известий и указав на херсонское происхождение этого источника и на то, что действие происходит в византийском городе в Крыму¹.

До сих пор в научной литературе ведутся споры отно-

нительно исторической достоверности "Корсунской легенды". Дореволюционные историки, начиная с Н.М.Карамзина, считали, что рассказ "Повести временных лет" об осаде и взятии Корсуня в целом соответствует действительности, хотя и изложен в романтическом духе. Однако большинство ученых новейшего времени скептически относится к правдоподобности этой легенды, а известный польский историк А.Поппе предложил пренебречь ею как источником и рассматривать это произведение разве что в плане иллюстрации древнерусского исторического сознания конца XI – начала XII вв. (когда оно попало в летопись).

Действительно, историческая информация "Корсунской легенды", равно как и всей летописной повести о "крещении Руси", во многом расходится со сведениями иностранных письменных источников, на основе которых реконструируются события, связанные с введением христианства на Руси. В легенде изменена последовательность событий. Иностранные источники, среди них хорошо информированный сириец-христианин Яхья Антиохийский, рассказывают об обострении гражданской войны в Византии в середине 80-х годов, в связи с чем император Василий II обратился к Владимиру за помощью. Последний потребовал в уплату за помощь руку сестры императора Анны, что вызвало возмущение и отказ греческой стороны. Но ухудшение политической обстановки в Византии вынудило Василия II согласиться на это требование, поставив взамен свое условие: князь и его народ должны принять крещение². После подписания соглашения русское войско прибыло в Византию и помогло имперскому правительству справиться с феодальной оппозицией. Однако после этого император вероломно нарушил свое обещание, отказавшись выдать сестру за Владимира. Тогда киевский князь, дабы принудить Василия II выполнить главное условие русско-византийского договора, осаждал и добывает Херсон, после чего Анну присылают в завоеванный Русью город, где она сочетается браком с Владимиром.

"Повесть временных лет" излагает описание выше события иначе. В ней совершенно отсутствуют сведения не толь-

ко о гражданской войне в Византии, но и о русско-византийских переговорах, предшествовавших походу на Корсунь. Сама мысль о женитьбе на Анне возникает у Владимира как бы внезапно, после овладения городом: "Виде Володимир в град и дружина его, и после Володимир ко царема, Василью и Костянтину (брату-соправителю Василия II. — Авт.), глаголя сице: "Се град ваю славний взях; слышу же се, яко оестру пмата девою, да аше ее не вдасте за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих"³. Испугавшийся Василий II соглашается выполнить ультиматум русского князя, предложив ему креститься, и чуть ли не насильно отсылает принцессу Анну к нему.

Исследователи летописания (А.А.Шахматов, В.Л.Комарович, Д.С.Лихачев) отмечали легендарный характер этого рассказа "Повести временных лет" и ее зависимость от основанного на фольклорных источниках жития Владимира особого состава. Его корсунское происхождение не подлежит сомнению, а введен упомянутый рассказ в летопись, согласно преобладавшему в науке мнению, составителем Печерского свода 1073 г. Никоном. Во всяком случае, в Древнейшем своде 1039 г. этой легенды не было.

Внесение "Корсунской легенды" в летопись и идейная переработка всей летописной повести о "крещении Руси", происшедшие во второй половине XI — начале XII вв., объясняются особенностями русско-византийских отношений этого времени, прежде всего — борьбой Руси против политической и идеологической экспансии империи, берущей начало уже в первые годы после принятия христианства. Делу отстояния независимости Древнерусского государства от Византии служили идейная направленность его летописания, начиная с Древнейшего свода 1039 г., в котором проводилась мысль о свободе выбора Русью новой веры, творчество Илариона, автора "Слова о законе и благодати" и, по всей вероятности, одного из создателей Древнейшего свода. В контексте этого процесса следует рассматривать появление в составе "Повести временных лет" (или ее предшественницы — киевского же

свода 1095 г.) "Корсунской легенды".

Мы уже выражали сомнение в причастности Никона к введению в летопись этой легенды⁴. Действительно, Никон бывал в Тмутаракани и мог познакомиться с местным фольклором. Но нельзя не отметить, что устное народное творчество греческого города Херсона должно было серьезно отличаться от фольклора древнерусского города Тмутаракани. Нам кажется сомнительной возможность сколько-нибудь заметного распространения византийского, создаваемого на греческом языке фольклора в древнерусской этнической и языковой среде.

В то же время, у нас нет сомнения в том, что "Корсунская легенда", помещенная Нестором в "Повести временных лет" под 988 г., имеет в основе какое-то фольклорное произведение корсунского происхождения. Вероятно, оно родилось по свежим следам корсунского похода Владимира или в самом Херсоне или в среде выходцев из этого города, переместившихся в Киев в конце X в. (вспомним, что Владимир привлек "попы корсуньски" для насаждения христианства на Руси). Как бы там ни было, упомянутое произведение было принесено корсунянами в Киев, где с ним познакомились местные жители. По неизвестным нам причинам им не воспользовался составитель Древнейшего свода 1039 г., и оно продолжало существовать в устной форме, пока не попало в летопись много позже. Этой летописью могли быть Начальный свод 1095 г. или даже "Повесть временных лет", отразившая заметный подъем этнического самосознания на Руси в первые годы XII в.

Примечания

1. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1908. 126 с.
2. См. текст оообщения Яхьи Антиохийского в кн.: Розен В.В. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, с. 23-24.
3. Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950, с. 76.

4. Котляр М.Ф. Літописна повість про "Ірешення Русі" як історичне джерело. – Український Історичний журнал, 1987, № 8, с. 76.

Г.Г.ЛИТАВРИН

ВИЗАНТИЯ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДОГОВОРАМИ
911 и 944 гг.

1. Исключая свидетельства о походе князя Игоря против Византии в 941 г. и разрозненные сообщения о службе древних русов в армии империи, главными источниками о характере византийско-русских отношений в течение трети столетия с 911 по 944 г. являются договоры Древней Руси с Византией, заключенные в указанные годы. Договор 911 г. фиксирует официальную двустороннюю программу византийско-русских отношений на предстоящий период, договор же 944 г. позволяет констатировать, какими эти отношения оказались в реальной действительности.

2. Договор 911 г. предоставил Древней Руси чрезвычайные, не известные в X в. в дипломатической практике отношений империи с другими странами привилегии. Древние русы получали право беспоплатной торговли на рынках Константинополя; прибывавшие в столицу империи и представлявшие там правящую верхушку Древнерусского государства послы и купцы могли закупать в неограниченном размере предметы роскоши и дорогие изделия столичного ремесла, торговля которыми, особенно с иностранцами, подвергалась весьма строгой регламентации (как раз накануне заключения договора или даже в тот же самый год получил официальное одобрение и был введен в повседневную практику сборник правил, регулирующих деятельность торгово-ремесленных корпораций Константинополя и обеспечивающих особо строгий контроль над торговыми операциями в столице иностранных купцов – "Книга эпарха"); русские послы и купцы во время пребывания в Константинополе проживали в специальном отведенном для них подворье в пригороде, не внося за это платы, и находились на полном содержании принимающей стороны в течение 6-ти месяцев; византийские власти обя-

зывались снабжать русских и на обратный путь необходимым для этого провиантом и требующим замены снаряжением для судов; особое место на восточном побережье Фракии (видимо, близ Месимврии) было отведено для стоянки большей части русских торговых флотилий и для размещения экипажей судов и воинов, обеспечивавших их охрану в пути.

3. Единственным существенным обязательством русского князя в обмен на указанные привилегии было согласие не чинить препятствий тем из прибывавших в Константинополь русским, которые захотели бы добровольно остаться в империи для службы в ее армии.

4. Характер взаимных обязательств, отраженных в договоре 911 г., а также содержащиеся в нем указания на предшествовавшие заключению мира столкновения между Древней Русью и Византией, оправдывают предположение, что серьезные уступки в пользу русских, зафиксированные в договоре, и само его оформление явились результатом неудачного для военных сил империи конфликта с Древнерусским государством, случившегося незадолго до начала мирных переговоров.

5. Обстоятельства заключения договора 911 г. и его содержание (как, впрочем, и договора 944 г.) свидетельствуют о чрезвычайной, и экономической и политической, еще не достаточно оцененной и объясненной в историографии заинтересованности правящих верхов Древней Руси в разносторонних связях с империей, осуществляемых на льготных условиях.

6. Договор 911 г. соблюдался, по-видимому, обеими сторонами по крайней мере до середины 30-х годов X в., в особенности в сфере военно-политической: военные суда могли курсировать между устьем Дуная и византийскими берегами Фракии независимо от характера отношений обеих стран с Болгарией, так как не нуждались в стоянках на болгарском побережье; напротив, беспрепятственные торговые связи обуславливались необходимостью соответствующих соглашений Древней Руси с Болгарией, поскольку тяжело груженные торговые суда совершали каботажное плавание только в дневное время, они имели 4-5 постоянных стоянок на ночь или на несколько дней подряд на берегах Болгарии. В частности, на условиях русско-визан-

тийской торговли не могли не отразиться ожесточенные войны Болгарии с Византией в 913–927 гг. именно в этот период (в 922 или 924 гг.) византийские деятели угрожали болгарскому царю Симеону организацией против него военной коалиции с участием Древней Руси. Косвенным свидетельством длительного этапа дружественных отношений Руси с империей после заключения договора 911 г. является существенное распространение христианского вероисповедания среди господствующего слоя Древнерусского государства, в том числе среди приближенных к киевскому князю лиц, о чем достаточно определенные сведения содержит договор 944 г. В течение какого-то времени империя пропагандировала военное соглашение с древними русами, надеясь тем самым уменьшить угрозу нападений на ее владения со стороны болгар, венгров, черных болгар и, видимо, хазар.

7. Торговлю с Византией вела прежде всего правящая элита Древней Руси (князья и высшее боярство); торговля осуществлялась под контролем киевского князя; сбыту подлежали наиболее ценные предметы дани (меха, воск, мед), имевшие при относительно малых размерах и небольшом удельном весе высокую стоимость на внешнем рынке. Весьма выгодным в то время "товаром", вывозившимся русскими в империю, были рабы и пленные византийцы-христиане, за которых в Константинополе уплачивался выкуп в соответствии с расценками на рабов. Молодой мужчина (раб или пленник) оценивался в 10 золотых монет (номисм) или в два куска шелковой ткани.

8. Значительная стоимость торговых оборотов, совершаемых в столице империи купцами-представителями русской знати, являвшейся собственницей продаваемого в Константинополе товара, обусловила специальную договоренность двух государств о взаимной выдаче должников, которые пожелали бы остаться на чужбине, чтобы не рассчитываться со своими кредиторами или господами. Весьма вероятно поэтому, что отправлявшиеся вместе с купцами в империю послы (в соотношении, примерно, один посол на каждых двух купцов), представлявшие помимо того или иного князя или боярина, защищали интересы своих господ, следя за действиями не только византийских вассалов, но и за торговыми операциями подчиненных им купцов.

9. Докладчик считает, что в течение торгового сезона в Константинополь прибывало две торговых флотилии русских. На это указывают, во-первых, предписания "Книга эпарха", ограничивавшие время пребывания в столице империи иноземных (и иногородних) купцов тремя месяцами, во-вторых, фактом выдачи содержания послам и купцам сначала прибывшим из Киева, Чернигова и Переяславля, а затем — из Полоцка, Ростова и Любеча. Первая флотилия являлась в империю, вероятно, к началу июня, вторая — к началу сентября. 6 месяцев — это установленный правительством Византии совокупный срок, в течение которого оно несет расходы, связанные с пребыванием русских в Константинополе.

10. Осложнения в отношениях Древней Руси и Византии стали накапливаться, по всей вероятности, постепенно, в связи с чем договор 911 г. стал соблюдаться все менее точно. Намек на признание византийской стороной и своей вины в разрыве содержится в ссылке договора 941 г. на "происки" "враждолюбца дьявола" — обычный довод имперских политиков, не желающих определить меру своей ответственности. Перед своими же подданными правители империи представили виновными в нарушении договора, несомненно, только русских (согласно Льву Диакону, в 971 г. император Иоанн I Цимисхий заявлял будто бы в послании к Святослану, что именно Игорь нарушил договор, став клятвопреступником). Правительство Романа I Диокапина, проводя, особенно после голода 927-928 гг., все более жесткую экономику, повышая налоговый гнет и усиливая контроль над ремеслом и торговлей в столице и сбором торговых пошлин, по всей вероятности, тяготилось расходами на содержание русских и некогда предоставленными им особыми льготами. В литературе уже были высказаны вполне правдоподобные догадки о том, что разрыв был как-то связан с неизвестными по недостатку источников обстоятельствами участия аланов и русских в византийско-хазарском конфликте 932-934 гг. Возможно, русские действительно участвовали по предложению империи в военных действиях против хазар в Крыму, после того как хазары с помощью узлов разбили и подчинили союзного империи правителя Алании. Но эти действия русских в чем-то противоречат

ли интересам империи. Не случайно в 941 г., в год похода Игоря на греков, он находился в добрых отношениях с Хазарией, тогда как в договоре 944 г. выразительно подчеркивается, что русские впредь без просьбы императора не войдут в "Корсунской стране", что та страна не будет им подвластной и что русские не будут зимовать (т.е. основывать постоянные поселения) в устье Днепра. Создается впечатление, что и по договору 944 г. империя предпочитала, чтобы ее союзник (русь) держалась подальше от крымских владений Византии: черных болгар, в случае их враждебных действий против феми Херсона, император просил киевского князя "не пускать" в Крым, т.е. перехватывать их где-то на пути туда, то ли на северных, то ли на восточных берегах Азовского моря.

II. Договор 944 г. определил, в свою очередь, юридические нормы византийско-русских отношений на новый период, реальное содержание которых может быть выяснено лишь после критического рассмотрения событий, по крайней мере, между 944 и 972 гг.

РУСЬ В ИСТОРИОГРАФИИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА (XIV в.)

Историография Тевтонского ордена XIV в. представлена оочинениями Петра из Дусбурга, Николая фон Ерошина, Виганда Марбургского, Детмара, Иоганна фон Пошмилге, Торуньского анналиста. Их хроники создавались на латинском и на немецком языках. Они обладают ярко выраженной тенденциозностью, обусловленной идейными принципами как внутрисполитического устройства Ордена, так и его внешней политики по отношению к Пруссии и другим европейским странам. С учетом этой тенденции памятники орденской историографии являются ценными источниками по истории ряда европейских стран (Германии, Англии, Венгрии, Польши), чьи политические интересы пересекались в XIII-XIV вв. в Пруссии. Располагают они и сведениями по средневековой истории нашей страны, в первую очередь – Восточной Пруссии, Литвы и Руси, в которых на первый план выступает внешнеполитический аспект.

Сведения о Руси, содержащиеся в хрониках Тевтонского ордена, не слишком велики по сравнению со сведениями о Пруссии и Литве. Однако на протяжении XIV в. заметен рост интереса орденских хронистов к соседнему Русскому государству.

Хронологически русские сведения исследуемых тевтонских хроник не выходят за пределы XIV века, но отдельные из них относятся к XIII веку. Одно из таких сведений – осада рутенами (русскими) скаловитского укрепления – событие, датированное Петром из Дусбурга 1274 г., но происходившее, по мнению исследователей, в 1221 г. или между 1251 и 1254 гг. Прямых указаний о военных действиях русских против прусского племени скаловитов в русских летописях нет, но можно предполагать, что это событие отразилось в хронике как отголосок военных походов в Пруссию князя Романа Галицкого (1196-1205) и его сына Даниила.

Русь в "Хронике земли Прусской" Петра из Дусбурга (завершена в 1326 г.) — это территория, пограничная с Литвой, — Гродно и его окрестности, — помещаемая Хронистом в контекст походов Ордена на Литву. Под "рутенами" в хронике Петра из Дусбурга выступают в основном жители Гродно.

Тем же характером и объемом сведений о Руси располагает рифмованный "Хроника Пруссии" Николай фон Брошина (ок. сер. XIV в.), являющаяся стихотворным переводом на немецкий язык "Хроники земли Прусской" Петра из Дусбурга.

Значительное место занимают русские сведения в "Новой прусской хронике" Виганда Марбургского (XIV—XV вв.). Они заключены в хронологические рамки с конца XIII до конца XIV вв. По сравнению с предшественниками политическая карта Руси у Виганда Марбургского становится более широкой: начиная с 40-х гг. XIV в. в контексте военных действий хронист наряду с Гродно и некоторыми населенными пунктами в его окрестностях называет также русские города, как Владимир-на-Клязьме, Витебск, Смоленск, Полоцк, Изборск.

Хроника Виганда Марбургского дает немало сведений о совместной борьбе с Орденом русских и литовцев, а также "рутенев и язычников". Под последними, поскольку местом действия является Курляндия, следует, по-видимому, понимать карел, населявших северо-западные пределы Русского государства.

Русско-литовские политические контакты нашли отражение и в немецкоязычных хрониках Погана фон Пошльге (XIV—XV вв.) и Детмара (до конца XIV в.). Представляет интерес и тот факт, что именно эти две хроники под 1380 годом содержат довольно развернутые описания Куликовской битвы.

Русско-польские и русско-литовские отношения в период с середины и до конца XIV в. запечатлены "Торуньскими анналами". В частности, под 1384 г. описывается осада Мариенвердера (орденской крепости в Пруссии), в которой принимали участие русско-литовские силы.

СКАНДИНАВИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ДО СЕРЕДИНЫ XI в.)

Многообразные и интенсивные контакты Руси и Скандинавии, торговые, военно-политические и пр., до XI в. носят эпизодический, т.е. не объединенный какой-либо последовательной системой, характер. Не связанные между собой (а иногда и вступающие в конфликты) группы скандинавов появляются на Руси в целях наживы с помощью грабежа, наемничества, торговли. Хотя сама экспансия викингов отражает исторические процессы формирования классового общества и государства в Скандинавии, включение варягов в политические и экономические отношения в Восточной Европе целиком подчинено внутриполитическим задачам консолидации государства и формирования аппарата управления на Руси и оказывает до середины X в. незначительное влияние на развитие Скандинавии, т.е. является фактом внутренней, а не внешней политики формирующегося Древнерусского государства.

Показателен для этого времени "личностный" характер регулирования отношений между славянской знатью и скандинавами, определяемый, насколько можно судить, древнерусской практикой: "ряд" устанавливает условия приглашения "варяжских" князей (скандинавские источники, подробно освещая процедуру выборов конунга, не знают подобных "рядов"); русские князья (вероятно, не только великие киевские: в начале XI в. варягов нанимает Яролав, сидящий в Новгороде) приглашают или принимают на службу скандинавские отряды также на лично-договорной основе (ср. подобный договор в "Саге об Эймунде"). Отношения строятся на основе личных связей отдельных представителей военной и политической верхушки Руси и Скандинавских стран (возможно, связанных также и родственными узами) и определяют действия лишь заключивших договор лиц.

Не случайно составитель Повести временных лет еще в

начале XII в. не проводит различия между отдельными Скандинавскими странами или их населением (хотя в перечне народов и упоминает отдельно гетов, свеев, урман) и, более того, не имеет названия для Скандинавии вообще: в отличие от Византии, которую он называет альтернативно "греки" и "Греческая земля", от Польши, которая именуется "ляхи" и "Лядская земля", Скандинавия обозначается им исключительно "варяги".

Межгосударственные соглашения Руси и Скандинавских стран заключаются с более развитыми государствами: Византией, Англией и Францией, которые втягивают "варваров" в систему своих международно-правовых отношений, причем для наиболее ранних договоров характерно также "личностное" оформление отношений. Таков договор 878 г. уэссекского короля Альфреда Великого с предводителем датчан Гуттрумом (о создании т. наз. "области датского права" — Денло). Договор не затрагивал интересы собственно Дании: Гуттрум представлял лишь датское войско в Англии. Возможно, сходный характер носил и первый договор Руси и Византии, однако русско-византийские договоры начала X в. уже заключаются "великим князем русским" от имени "всех людей Русская земля" и содержат разнообразные пункты, регулирующие межгосударственные отношения Руси и Византии.

В целом для этого времени наиболее типичны также формы контактов, которые предполагают по преимуществу пребывание скандинавов на Руси: наемничество, торговля, военные походы (последнее сообщение — о походе ярла Эйрика на Ладогу — относится к 997 г.), матримониальные связи.

Установление межгосударственных отношений Руси с ранне-феодальными государствами Скандинавии, видимо, относится к рубежу X—XI вв., поскольку именно первой трети XI в. датируются первые сообщения, позволяющие говорить о государственном, а не личном значении этих отношений. К концу X в. относится первое известие о двух русских посольствах в Швецию в связи с браком Ярослава и Ингигерд, дочери шведского конунга Стара Ингигунна. Для сравнения

отметим, что примерно двадцатью годами раньше (в 964 или 995 г.) свататься к Сигрид Гордой приезжал "конунг из Гардарики" Виссивальд сам.

К первой трети XI в., очевидно, надо отнести и регламентацию торговых отношений также на межгосударственном уровне. Хотя древнейшие сохранившиеся торговые договоры (Новгорода, Смоленска) датируются концом XII-XIII в., неоднократно отмечалось, что в них содержатся ссылки на предшествующие соглашения, а зафиксированные в них нормы должны восходить к более раннему времени. Наиболее ранним свидетельством существования торговых договоров является упоминание разрыва "торгового мира" с Норвегией в первой половине 1030 гг. (свод саг "Гнилая кожа", 1217-1220 гг.). Характеристика положения, в котором оказались норвежские купцы, приехавшие на Русь "без защиты", указывает на то, что одной из важнейших статей этого договора было обеспечение безопасности торговли.

Наконец, в первой половине XI в. начинают отчетливо вырисовываться особенности внешней политики Руси в Скандинавских странах. Судя по многочисленным сообщениям саг и других источников, Ярослав проявляет к положению в Скандинавии большой интерес и активно влияет на политическую жизнь, проводя свою внешнеполитическую линию.

1018 - середина 1020-х гг. отмечены усилением русско-датских и русско-шведских связей, что связано, по предположению А.В.Назаренко, со стремлением Ярослава создать антипольскую коалицию в условиях борьбы за киевский стол. К этому времени относятся браки Ярослава с дочерью шведского конунга Олава Шётконунга Ингигерд и сестры Кнута Эстрид с "сыном короля Руси", каковым, по мнению Назаренко, является Илья Ярославич, умерший в конце 1019 или начале 1020 г. Показателем этого союза Назаренко считает совпадение во времени походов Ярослава на Киев (1019 г.) и Берестье (1022 г.) и Кнута против поморских (?) славян (1019 г.) и в Витланд (в устье Вислы, 1022 г.). Одновременно ослабевают отношения с Норвегией, правитель которой

Олав Харальдссон является главным противником Кнута в Скандинавских странах и Олава Шётконунга из-за территориальных претензий Норвегии (последний даже отказывает в 1017 или 1018 г. еку в руке Ингигерд и выдает ее залож за Ярослава). На Русь в это же время уходит, опасаясь преследований Олава, Эймуш.

Как кажется, события 1024–1027 гг. резко изменили внешнеполитическую ориентацию Ярослава в Скандинавских странах. В 1024 г. он заключил мир с Мстиславом, и его положение на киевском столе упрочилось. В 1022 г. шведским конунгом становится брат Ингигерд Анунд-Якоб, заключивший около 1024 г. союз с Норвегией против Дании и в 1025 г. потерпевший вместе с Олавом Харальдссоном поражение, в результате чего Кнут овладел кьной Швецией. Наконец, Кнут устанавливает тесные отношения с Генрихом Немцем, который в 1027 г. становится германским императором, и обеспечивает себе поддержку Империи, заключившей в 1018 г. мир с Польшей и враждебной теперь Руси. Видимо, устранение опасности со стороны Польши и укрепление внутреннего положения привело к отпадению необходимости в русско-датском союзе, а переориентация Кнута на Империю и успешные военные действия Кнута против Швеции и Норвегии, грозившие чрезмерным усилением Дании на Балтике, заставили Ярослава не только отказаться от союза с Кнутом, но и активно выступить на стороне его врагов, Анунда-Якоба и Олава Харальдссона.

Особенно ярко пронорвежская и прошведская направленность политики Ярослава проявилась в 1028–1036 гг. После тяжелого поражения в 1028 г. в борьбе с Кнутом на Русь бежит Олав Харальдссон со своим сыном Магнусом, благожелательно принимается Ярославом и в 1030 г. с помощью Ярослава и Анунда возвращается в Норвегию, надеясь возвратить трон, но погибает в битве при Стиклестадире. Враждебные отношения Ярослава и Свейна Кнутссона, посаженного Кнутом в Норвегии, специально отмечены сагами и имеют результатом разрыв торгового мира, заключенного, возможно, в период русско-норвежского сближения в предшествующее

десятилетие. Наиболее подробно скандинавские источники освещают борьбу Ярослава (стремящегося возвести на норвежский трон Магнуса) со Свейном в 1035-1036 гг. Этот эпизод позволяет оценить внешнеполитическую активность Ярослава, который широко использует дипломатические средства, военную поддержку своего ставленника, наконец, тайную дипломатию, включающую шпионаж и подкуп наиболее влиятельных в Норвегии лиц. Эта деятельность возымела успех, и в 1036 г. Магнус занимает норвежский трон, в 1037 г. заключает мир с Харданутом, ставшим после смерти Кнута правителем Дании, а в 1042 г. становится датским королем. Отсутствие данных не позволяет установить результаты для Руси восшествия на престол Магнуса, однако ясно, что Ярослав добился своих целей, поскольку и в правление Магнуса, и в последующие годы Русь и Норвегию связывают дружественные отношения (в 1041 г. Ярослав выдает Елизавету замуж за Харальда Сурового Правителя, в 1042 г. в поиске Владимира Ярославича участвует варяжская дружина, во второй половине XI в. в Новгороде открывается торговый "готский двор" с церковью св. Олава Харальдссона, первого норвежского святого).

Таким образом, установление межгосударственных отношений Руси и Скандинавских стран уже в первой половине XI в. ознаменовалось активной политикой Руси, направленной как на привлечение Скандинавских стран для решения различных внешнеполитических задач (антипольская, антидатская коалиции), так и на обеспечение прочного положения Руси в Балтийском регионе. Надо при этом отметить чрезвычайное разнообразие формы осуществления внешней политики: обмен посольствами, союзная помощь, браки, предоставление убежища, тайная дипломатия, торговля).

ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА
(К вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики Древней Руси X в.)

Практика русско-византийских дипломатических контактов, активно развивавшихся на протяжении X в., привела к усвоению киевскими князьями еще до принятия христианства традиционных международных обычаев оформления внешнеполитических актов. К числу таких обычаев принадлежало и скрепление договорных и тому подобных государственных документов печатью-буллой.

Первое прямое указание на применение буллы на Руси содержится в тексте договора Святослава Игоревича с греками 971 г. Упоминаемые же в русско-византийском соглашении 944 г. как упраздняемые им "печати для ношения", являвшиеся прежде атрибутами полномочных представителей киевского князя — послов и купцов—"гостей", могут быть отождествлены скорее с хорошо известными археологам подвесками с тамгами Рюриковичей середины X — середины XI в. (найденны в Киеве, Новгороде, Белгороде и Ладоге), служившими, как видно, верительными знаками официальных лиц и сопоставляемыми, в свою очередь, с древнескандинавскими *jartegnir*.

Наиболее ранним из древнерусских сфрагистических памятников, открытых к настоящему времени, является моливдовул (№ I по Корпусу), относимый В. Л. Яниным тому же Святославу Игоревичу (945–972 гг.). Основанием для такой атрибуции послужили соображения геральдического и эпиграфического характера. На обеих сторонах буллы помещен в центре один и тот же княжеский лично-родовой знак в виде двузубца. Аналогичные знаки встречены неоднократно на различных предметах, причем дважды — на четко датируемых серединой X в. (костяная пластина из Саркела и деревянное изделие из Новгорода). Принадлежность данного варианта тамги князю Святославу не вызывает сомнений, как справед-

ливо подчеркивает В.Л.Янин, еще и потому, что только простой двузубец мог служить исходной формой для знаков Владимира Святого и Святополка Окаянного.

Правда, теперь стало ясно, что тамгой в виде простого двузубца в качестве своей лично-родовой эмблемы пользовались на Руси, вероятно, все приемники Рюрика вплоть до Ярополка Святославича. Однако обращение к сфрагистической легенде устраняет все сомнения в точности определения владельца рассматриваемой печати. Еще Н.П.Лихачев, воздержавшийся от попытки атрибутировать памятник при его первой публикации, прочитал здесь четыре буквы: "...СТЛА...". Это чтение приняли без возражений и другие исследователи. Нельзя не согласиться с В.Л.Яниным в том, что наличие указанных литер возможно на печати с тамгой-двузубцем только в имени Святослава Игоревича.

Некоторые исследователи пробовали продолжить дешифровку круговой легенды, почти одинаково плохо сохранившейся на обеих сторонах буллы. В.Н.Даниленко предложил чуть более полное ее восстановление: "...СТЛАУС". А.П.Моця и А.К.Сыромятников полностью читают надпись, которая, по их мнению, "является русской, но выполненной при помощи греческого алфавита", как "ΚΥΕΒΕΣΤΛΑΟΣ" или "ΚΖΕΒΕΣΤΛΑΟΣ". Последнему чтению при этом отдается предпочтение, ибо в нем вроде бы без особых затруднений угадываются слова: "князь Святослав".

Внимательное изучение самого лучшего воспроизведения рассматриваемого памятника (к сожалению, утраченного) в "Сфрагистическом альбоме" Н.П.Лихачева убеждает в том, что надпись на обеих сторонах печати идентична. Достаточно четко видны в одном случае только буквы "...СТЛА...", в другом - "...СТ.А...". Начало круговой легенды отмечено крестиком, играющим роль разделителя в замкнутой цепочке графем, то есть одновременно выполняющего функцию и инициального и финального знака. Такая деталь композиционного оформления надписи на печати, как и сам обычай применения последней, заимствована несомненно у византийцев.

Общее число букв в дефектной надписи восстановлению не поддается.

Для определения языковой принадлежности сфрагистической легенды следует представить себе, как могла выглядеть в середине X в. транслитерация имени князя Святослава Игоревича согласно двум уместным здесь письменным традициям – славянской и греческой. Первая дала бы форму СВАТОСЛАВЪ или СТОСЛАВЪ (ср., в частности, пример сходного сокращения антропонима на серебряниках Святополка Окаянного 1015 г.). Вторая, судя по свидетельствам современников Святослава – Константина Багрянородного и Льва Дьякона, придерживалась с большим постоянством собственной, обусловленной фонетическими особенностями греческого языка, версии: *Συνεσλαβης*. Сохранившееся в надписи сочетание букв "...СЛА..." не соответствует возможному славянскому варианту транслитерации имени Святослава Игоревича. Зато оно вполне приемлемо для греческого ее варианта (при легко допускаемой мене *σ* : *τ*).

Древнейшая на сегодняшний день русская булла, несущая собственную эмблему киевского князя, но ориентирующаяся на византийскую дипломатическую практику, в том числе и в оформлении легенды, выглядит явным атрибутом некоего документа внешней политики "империи Рюриковичей" середины X в.

А.В.Назаренко

"ПУТЬ ИЗ НЕМЕЦ В ХАЗАРЫ" И ПЕРВЫЕ ВЕКА ДРЕВНЕ- РУССКОЙ ИСТОРИИ (IX-X вв.)

Летописное выражение "путь из варяг в греки" хорошо известно даже тем, кто никогда не читал Повести временных лет. Экономическая, а значит и политическая роль этой магистралей в процессе образования Древнерусского государства, складывания его территории, оформления главных направлений его внешней политики в IX-X вв. выглядит очевидной.

С нею так или иначе связаны самые яркие эпизоды древнерусской истории того времени — походы киевских князей на Царьград от Аскольдова похода 860 г. до русско-византийской войны 968–971 гг. при Святославе. Однако, обратившись к тексту той же Повести временных лет, путем простого подсчета легко убедиться, что военно-политическая активность Древнерусского государства в X — перв. полов. XI вв. имела еще одно преимущественное направление, которое по количеству приходившихся на него походов киевских князей не уступало вожделенному Царьграду: земли по Сану и нижнему течению Западного Буга, ядро которых известно в летописи под названием "Червенские города". Эта далекая западная окраина Руси была подчинена Киеву, кажется, уже при Олеге и, во всяком случае, при Игоре (младшего Константина Багрянородного); в результате кризиса после смерти Игоря она оказывается в сфере влияния Древнечешского государства, но в 70-е гг. X в., по новым данным, Ярополк Святославич возобновил борьбу Киева за волыно-лещинский регион; едва укрепившись на киевском столе, сюда же в 981 г. идет войной Владимир, который воюет здесь и в 992 г. (примерно тогда же основывается Владимир Волынский). В дальнейшем борьба за Червенские города разворачивается между Русью и Польшей, овладевшей в конце X в. Краковской землей: с этой борьбой связаны военные конфликты 1013, 1018, 1022, 1030 и 1031 гг. Если продолжить аналогию о настоящих походах Руси на Византию, легко прийти к мысли, что и в Червенско-Перемишльскую область древнерусских князей влек особый стратегический экономический интерес. В науке время от времени высказывается мысль, что он связан с важным положением этой области на торговом пути Киев — Краков — Прага — Регенсбург, но развития эта здравая идея не получила. Устойчивого представления о достаточно древней трансевропейской торговой магистрали, лишь центральный участок которой представляет собой путь от Киева до Немеческого Подунавья, пока не сложилось. Вместе с тем, нам кажется, накоплено уже довольно данных,

чтобы утверждать, что помимо "меридиональной оси" (пути из варяг в греки) существовала еще и "широтная ось", вдоль которой концентрировались внутри- и внешнеполитические усилия молодого государства с центром в Киеве; эти оси пересекались в Среднем Поднепровье в районе Киева и служили своеобразным "каркасом", вокруг которого происходил процесс кристаллизации Древнерусского государства. По причинам, понятным из дальнейшего, эту широтную ось мы бы назвали "путем из немец в хазары". Духовный взор древнерусского летописца и его современников был прикован к Царьграду, что способствовало осознанию ими значения "пути из варяг в греки" в зарождении и жизнедеятельности древнерусской государственности. На "пути из немец в хазары" центра такой притягательной силы не было, поэтому он как цельное явление не вошел в сознание древнерусских книжников XI в., не отложился в начальном летописании и не был, тем самым, в виде готовой схемы передан науке нового времени, как это произошло с "путем из варяг в греки". "Путь из немец в хазары" приходится реконструировать.

Языковая, региональная и жанровая разобщенность источников, содержащих сведения об отдельных участках этого пути, породила разобщенность в историографии. Изучение раннесредневековых (до X в.) торговых путей, связывавших Баварское Подунавье с Венецией и Южной Францией, не сопровождалось интересом к возможному восточному продолжению этих путей. Торговые связи Древней Руси раннего периода со странами Востока через Хазарский каганат восстанавливаются, как правило, на основе нумизматических данных, а так как поток арабского серебра в IX-X вв. шел по Волге на Балтику, то закрепилось мнение, что земли днепровского правобережья оставались в стороне от восточной торговли. Западное направление древнерусской торговли для IX в. в историографии практически ограничивается связями поместничной Ладоги по Балтике. Сведения о торговле Киева с мелкими землями по Среднему Дунаю, собранные в известной работе В.Г. Васильевского, относятся, главным образом, к

XI–XII вв.; после В.Г.Васильевского проблема не пересматривалась, так что X в. установился в качестве "стихийной" датировки начала русско-южнонемецкой торговли. Именно неразработанностью темы мы объясняем продолжающиеся попытки поставить под сомнение упоминание Руси в Раффельштеттенском уставе (ок. 906 г.) (Х.Вольфрам, 1980; И.Херрманн, 1985) или существование пути купцов-раданитов через внутренние районы Восточной Европы (Ибн Хордадбеж, перв. полов. IX в.) (Т.М.Калинина, 1986).

Сравнительно недавно на основе анализа гидроиммаческих материалов была обоснована идея о наличии в Восточной Европе, наряду с меридиональными речными путями, также древних шпротных коммуникаций внутри ландшафтных зон (Г.Шрам, 1973). Среди контактировавших таким образом регионов можно выделить Среднее Поднепровье и Чехо-Мораво-Паннонский район. Характерно, что именно благодаря этим контактам (а не связям по Балтике) в Западной Европе (а именно в Южной Германии) впервые услышали имя "Русь" (не позже начала IX в.). Как Червенские города на чешско-польско-русском пограничье, так и Баварская восточная марка была ключевым районом в трансевропейской торговле IX–X вв. на славянско-немецком рубеже. Возникновение более северных маршрутов относится к середине – второй половине X в., т.е. ко времени после принятия венецианским правительством протекционистских мер против своих еврейских торговых конкурентов на Средиземноморье. Древнеримские дороги, в эпоху Каролингов пребывавшие еще в относительной сохранности, связывали Восточнобаварское Подунавье с Венецией, а через Южную Швабию – с долиной Роны и другим крупным портом – Арлем. Достойно упоминания, что именно в располагавшемся на этом пути швабском монастыре Райхенау сохранился как единственный список Певтингеровых таблиц, так и географический каталог славянских народов (начало IX в.), содержащий первое упоминание народа русь (так наз. Баварский географ). Трудно не видеть связи между появлением Баварского географа и активными мерами по организации и

стимуляции восточной торговли, которые были приняты Карлом Великим и его преемником Людовиком после ликвидации остатков "рах Аварика" в конце VIII в.: строится канал между Майном и Дунаем, издается знаменитый Диденхофенский капиштурлий (865 г.), регламентирующий торговлю со славянскими землями, около 820 г. в Регенсбурге начинается чеканка каролингского денария, с 837 г. в документах упоминается находящийся под королевской опекой торговый путь (*strata publica*) вдоль южного берега Дуная на восток, о котором идет речь и в Раффельштеттенском уставе, и т.д. Такая политическая и экономическая активность не могла направиться "в пустоту", она заставляет экстраполировать торговую магистраль IX в., восточный конец которой "повисает" на крайнем юго-востоке Франкской державы, далее вглубь Восточной Европы. Это значит, что русско-чешско-баварские торговые связи, о которых есть пряные сведения в письменных источниках с самого начала X в. (Раффельштеттенский устав, Хасдай Ибн Шафрут, Ибрагим Ибн Якуб и др.), следует удревнить до IX в. О том же свидетельствуют и остатки топонимики, производной от этнонима русь, на территории Баварской восточной марки (первые датированные упоминания с 60-х гг. IX в.). Куда мог вести путь далее, видно из показания Хасдая Ибн Шафрута (50-е гг. X в.), говорящего о маршруте Чехия - Русь - Булгар - Хазария. В IX в., в пору большей политической стабильности в степях Подонья, дорога из Киева на Нижнюю Волгу, вероятно, могла проходить и значительно южнее. Думаем поэтому, что и в Баварском географе Русь не случайно названа рядом с хазарами. В итоге вырисовывается картина, которая может служить достаточно красноречивой иллюстрацией к известному свидетельству Ибн Хордадбега (скорее всего, 40-е гг. IX в.) о еврейских купцах, отправлявшихся из Франции, пересекавших "области славян" и стремившихся в "Хадлидж, город хазар", и далее "в Батх и Мавераннахр". В заключение укажем на весьма выразительное подтверждение древности культурных контактов в пользу этого "пути из немец

в хазары" – достаточно архаичную изолексу слав. **szelavъ*ъ "шелк", объединяющую только др.русский и др.чешский (в польские говоры слово проникло из чешских) (Г.Шрам, 1984).

В.Д.Назаров

ЯРЛИК ХАДЖИ-ГЕРАЯ КАЗИМРУ IУ И РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Ярлык крымского хана Хаджи-Герая великому князю Литовскому Казимру IУ Ягеллончику (ярлык был выдан ему именно как главе Великого княжества Литовского, но не как польскому королю) впервые был издан Голениовским в 1848 г. Однако неудовлетворительное качество издания имело два следствия. С одной стороны, в историографии пытались разъяснять многие темные места текста, которые оказались результатом издательских промахов. С другой, явные хронологические ошибки, смысловые несообразности породили серьезные сомнения в подлинности документа (разбор их приведен Грушевским).

2. В 1909 г. грамота была переиздана Б.Барвицким, причем в отличие от предшествующей публикации автор пользовался более исправной копией, хранившейся в так наз. "теках Нарушевича". Издатель восстановил ряд опущенных мест, дал немало более верных чтений, а главное привел верную и точную дату выдачи ярлыка, не противоречившую хорошо известным фактам. В кратком введении исследователь справедливо предположил сложную эволюцию сохранившегося текста: перевод на польский язык (точнее, одна из копий с такого перевода) производился не непосредственно с подлинника, а с перевода на русский язык канцелярии Великого княжества Литовского. Многоэтапность в складывавшемся реального документа не могла не привести к искажениям прежде всего в географической номенклатуре. К сожалению, сама публикация Барвицкого осталась практически не замечен-

3. Главный смысл документа - в отказе главы Крымского ханства от взимания выхода и других налоговых поступлений с целого ряда древнерусских земель, входивших тогда в состав владений Великого княжества Литовского (Киев, Смоленск, Брянск, Чернигов, Луцк, Каменец и многие другие). Как справедливо подчеркнул Ф.Конечный, оформлено это было в виде полного, без изъятий пожалования на поименованные территории и восходило к соответствующим актам, выданным на имя Витовта и Сигизмунда Кейстутвича.

4. Дата ярлика (сентябрь 1461 г.) в принципе укладывается в период правления и Хаджи-Герая, и Казимира IV. Остается, однако, неясным, почему так нескоро крымский хан выдал этот акт. В литературе здесь не высказано, насколько нам известно, обоснованных суждений. Думается, что это можно объяснить двумя, частью дополняющими друг друга факторами.

5. В востоковедческой литературе отмечается, что после 1456 г. Хаджи-Герай на какое-то время терял верховную власть над Крымом, в том числе и в пользу одного из правителей Большой Орды. Мы не утверждаем, что только к осени 1461 г. он восстановил свой суверенитет над Крымом. Но естественно предположить, что к 1461 г. его власть настолько окрепла, что он выдал ярлык Казимиру с такими пожалованиями, которые в иных кругах ордынской знати могли рассматриваться как незаконные.

6. Еще важнее другое обстоятельство. В ярлике 1461 г. Хаджи-Герай жаловал Казимира Великого Новгородом "со всеми города и всеми их доходы и пожитками их". Данная акция восполняет важное звено в сложной взаимосвязи Москва - Новгород - Вильно в конце 50-х - начале 60-х годов XV в., ускользавшие обычно от исследователей. Напомним только основные факты.

7. После Яжелбицкого договора 1456 г. последний "кормленец" литовский князь на новгородских пригородах фиксируется в 1458 г. Несомненное усиление позиций Великого Московского княжества в Новгороде и Пскове произошло

в результате поездки Василия Темного с двумя сыновьями в начале 1460 г. В течение полуторамесячного пребывания великого князя в Новгороде, поездки княжича Юрия в Псков окрепли институты княжеской власти в обоих феодальных республиках, усилилось воздействие московского господара на их внешнеполитический курс (в частности, покинул Псков кн. А.В.Чарторыйский).

8. Этот процесс вызвал ответную реакцию среди литовских правящих кругов, а также среди той части новгородского боярства, которая не желала дальнейшего усиления московского великого князя (в том числе в финансово-налоговой сфере). Этим, в частности, следует объяснить обострение новгородско-московских отношений, заметное уже к концу правления Василия II, но особенно проявившееся в первые годы власти Ивана III. В том же ряду литовско-новгородские контакты в 1463-1464 гг., упоминания о которых сохранились в некоторых летописных текстах.

9. В Великом княжестве Литовском среди правящих кругов нарастала тенденция к возврату к активной восточной внешней политике с теми целями, которые ставил и часть добился в свое время Витовт. Еще в 1461 г. литовские магнаты выражали недовольство длительным отсутствием Казимира в пределах княжества, неэффективностью дипломатических усилий. Они настаивали на более длительном, а главное регулярном исполнении Казимиром прерогатив великого князя в Литве или же на выборе Казимиром особого великого князя для Литовского княжения. С этим же связан отказ Казимира IV от возобновления договора 1449 г. с Иваном III в 1462-63 гг. - главным препятствием стали претензии Казимира и Великого княжества Литовского на верховный суверенитет над Новгородом и Псковом. Нетрудно видеть, что Ярлык Хаджи-Герая 1461 г. придавал этим претензиям формально-придические основания.

10. Ярлык Менгли-Герая 1472 г. (наиболее исправленный его текст издан тем же Барвинским) показывает, что речь шла о реставрации политики Витовта в полном объеме:

в пожаловании наряду с традиционным перечнем городов, жалующих Казимиру, наряду с Новгородом, говорится о Рязанском "папстве во главе с Переяславлем" (Рязанским).

Е.Л.Назарова

ЛИВОНСКАЯ ОРДЕНСКАЯ (МАГИСТРСКАЯ) ХРОНИКА
О РУССКО-ЛИВОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XIII - I ПОЛО-
ВИНЫ XVI в.

Ливонские хроники XIII-XVI вв. содержат ценный материал по истории взаимоотношений Руси с Прибалтийским регионом. Наиболее известные из них - "Хроника Ливонии" Генриха, "Старшая" и "Младшая" рифмованные хроники, хроника Германа Вартберге и хроника Бальтазара Руссова, не только повторяют и дополняют сообщения русских летописей, давая свое видение описываемых событий, но и приводят факты, не отраженные русскими летописцами. Сведения хроник неоднократно привлекались в трудах советских историков, изучающих разные стороны русско-ливонских контактов (М.Н.Тихомирова, Я.Я.Зутиса, В.Т.Пашуто, Н.А.Казаковой, А.Вассара и др.).

Ниже мы обратимся к событиям русско-ливонских отношений, зафиксированным в Ливонской Орденской (Магистрской) хронике. Как источник по истории Ливонии эта хроника практически не применялась.

Списки трех редакций хроники были опубликованы в середине прошлого века Ф.Г.Бунге в "Архиве по истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии". Списками разных редакций той же хроники являются хроники Томаса Горнера (середина XVI в.) и Бартоломея Грефентала (конец XVI в.). Наиболее ранние из известных списков датируются второй третью - серединой XVI в. Появление же хроники, исходя из текстологического анализа списков, можно отнести ко времени конца правления магистра Вальтера Плеттенберга (умер в 1535 г.), т.е. ко времени рубежа первой и второй четверти XVI в.

Первоначальный текст хроники был написан, вероятно, немцами, хотя сохранившиеся списки составлены как на немецком языке, так и на латыни.

Ливонская история представлена в хронике через деяния сменявших друг друга магистров и начинается с образования Ордена Меченосцев. Причем датой образования ордена считается 1235 г., а не 1202–1204 гг., как свидетельствуют источники XIII в. Списки, восходящие к редакции, появление которой можно связать с переработкой хроники Т. Горнером, доводят описание истории до правления магистра Йоганна ф.д. Рекке (1545–1551 гг.). В списках же наиболее поздней редакции, представленной в том числе и хроникой Грегенталя, изложение доведено до времени последнего магистра – Готгарда Кетлера.

Источники Магистрской хроники – "Старшая" Рифмованная хроника (конец XIII в.), хроника Германа Вартберга (70-е гг. XIV в.) и неизвестные нам источники XV в. Первоначально в этой хронике (очевидно, по образцу Рифмованной) указывались не даты правления, а продолжительность правления каждого магистра. В дальнейшем составители ряда списков пытались восстановить хронологию, руководствуясь указанием на длительность правления магистров. Причем, приведенные даты далеко не всегда совпадают в разных списках и весьма отличаются от реальной хронологии событий. Таким образом, работая с данным источником, следует ориентироваться не по датам, если таковые указаны, а по правлениям магистров.

Факты истории изложены в хронике чрезвычайно кратко, без каких-либо подробностей. В текст включены в основном события военной истории Ливонского ордена, при этом многие события, известные по другим источникам, обойдены молчанием, в том числе и весьма важные, но неблагоприятные для Ливонии. Кроме того, в описанных хроникой военных столкновениях с соседями победа, как правило, оказывается на стороне ордена, что не всегда совпадает с указаниями других источников. Все указанное относится и к описанию

отолжновений Ливонии с Русью.

Автор хроники упоминает о войнах с русскими, которые вели магистры Венно, Волквин, Герман Бальке и Отто ф. Лютенбург в XIII в., Конрад ф. Иокке, Эберхард ф. Велкейм, Вильгельм ф. Фримерсен и Веннемар ф. Бриггеней в XIV в., Конрад ф. Виттенгоф, Хайнрих Финке, Берндхард ф.д. Борх в XV в., Вальтер Плеттенберг в XVI в. О событиях XIII-XIV вв, значительно больше известно по другим хроникам, поэтому особой ценности рассказ о них Магистрской хроники не представляет. Интересно, однако, упоминание о привлечении дерптским епископом псковичей к участию в междоусобицах Дерпта о орденом в годы правления магистра Веннемара ф. Бриггеней (1396-1397 гг.). Ни в других ливонских, ни в русских источниках этот факт не отмечен. Только Бальтазар Руссов (последняя четверть XVI в.) позаимствовал это сообщение у Горнера. Тем не менее, у нас нет оснований отрицать достоверность этого факта.

Любопытно также сообщение хроники о походе в Псковскую землю при магистре Конраде ф. Виттенгофе (начало XV в.). Эти события нашли отражения : в русских летописях. Однако в данной хронике приводится объяснение причины внезапного окончания удачного для ордена похода, чего нет в других источниках.

В описании походов на Русь при магистре Хайнрихе Финке (1444-1445 гг.) и военных действий при магистре Бернхарде ф.д. Борхе (1480-1481 гг.) содержатся некоторые любопытные для исследователя отличия от русского источника.

Наибольшее внимание автор хроники уделял походам Вальтера Плеттенберга в 1502-1503 гг. Подчеркиваются масштабы военных действий со стороны ордена. Но умалчивается об ответных походах войск Ивана III в Ливонию, а причины потери захваченных орденом районов России объяснены чрезвычайно невразумительно.

В последних списках, сошедших с хроникой Грегенталя, говорится и о начале Ливонской войны. Здесь составитель

счел необходимым отметить неверность братьев ордена магистру Вильгельму Фюрстенбергу, которого его преемник Готхард Кетлер принес в жертву русским. В данном случае, очевидно, отразилось отношение к началу войны, действиям Кетлера и пленению Вильгельма Фюрстенберга, характерное для определенной части социальных верхов Ливонии в конце XVI в.

В заключении следует подчеркнуть, что Магистрская хроника представляет наиболее удобный для Ливонского рыцарства (хотя и неполный) вариант истории ордена, где военные победы затмевают поражения. Все же, несмотря на крайнюю тенденциозность источника, сведения данной хроники, безусловно, следует учитывать при изучении русско-ливонских отношений XIII-XVI вв. Тем более, что эта хроника - наиболее ранняя из сохранившихся ливонских хроник, где описаны события самого конца XIV - начала XVI в.

Е.П.Наумов

ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУСИ СЕРЕДИНЫ XII ВЕКА (СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ ВЛАДИМИРКА ГАЛИЦКОГО)

Как известно, одним из важнейших комплексов проблем, которому были посвящены многие труды В.Т.Пашуто, была внешняя политика Древней Руси, различных русских княжеств, и в том числе - роль Галицкого княжества в международной жизни средневековой Европы. Вполне закономерным поэтому было обращение В.Т.Пашуто к вопросам военно-дипломатической истории Руси в середине XII в., когда оложные взаимоотношения различных русских князей были взаимосвязаны с "союзом двух империй" (т.е. Византийской и Германской) и, в свою очередь, с возникновением широкой коалиции тех сил, которые выступали как противники Византии и ее союзников (и среди них - Галицкого княжества под эгидой Владимира). Все же, несмотря на исследование этих воп-

росов внешнеполитической истории Руси (в работах В.Г.Васильевского, М.В.Левченко, В.Т.Пашуто, Б.А.Рыбакова и др.), представляется возможным и целесообразным привлечь в данной связи малоизученные свидетельства (вероятно, из т.н. "Раскольниковского манускрипта", использованного В.Н.Татищевым) русской летописи. Эти сведения (быть может, из летописи Мстислава Изяславича), отсутствующие в Ипатьевской летописи, содержат любопытные детали о балканских связях и противниках Владимира Галицкого (в сер. XII в.); они позволяют полнее представить взаимоотношения Галицкого княжества с Византией в ту пору, описать получаемый материал (в частности, о событиях начала 50-х гг. этого века) о давно известными данными византийских источников, а в известной мере – быть может, уточнить хронологию этих событий и роль балканских народов во взаимоотношениях Руси с Венгрией и Византийской империей.

Г.Г.Пайчадзе

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКО-ГРУЗИНСКИХ СВЯЗЕЙ В XII ВЕКЕ

I. Зарождение русско-грузинских связей, установление непосредственных контактов между грузинами и русскими, послужившее началом их знакомства друг о другом, следует отнести к X в. Со временем русско-грузинские связи, постепенно развиваясь и охватывая различные сферы жизни, обрели многогранный характер. Сведения, содержащиеся в русских и грузинских летописях, а также ряд памятников русской архитектуры, как, например, Успенский собор Киево-Печерской лавры, церковь Спас-Нередицы близ Новгорода, Дмитриевский собор во Владимире, в строительстве которых принимали участие и грузинские мастера, и, наконец, находки на территории России монет, отчеканенных в Грузии в IX–XII вв., позволяют судить о наличии культурных, экономических (торговых) и политических связей между Древней Русью и

Грузией в XII в.

Хотя прямыми сведениями о политических оязях в ту эпоху мы не располагаем, однако анализ летописных данных о учете реальной обстановки, существующей тогда в этих странах, дает нам полное основание рассматривать факты бракосочетаний между представителями правящих династий как выражение определенных политических интересов той и другой стороны, а следовательно, и квалифицировать их как проявление именно политических отношений.

В русских летописях (в Ипатьевской и в Воскресенской) говорится о женитьбе Киевского князя Изяслава Мстиславича на грузинокой царевне в 1154 г., а в грузинских летописях ("История и восхваление венценосцев" анонимного автора XIII в. и "История царствования царицы Тамары" Василия Эзесмодзгвари - автора XIII в.) - о выборе в мужа грузинской царице Тамаре сына Андрея Боголюбского - Юрия в 1184 г.

2. О политических интересах, побудивших Изяслава к бракосочетанию с грузинской царевной, высказано два предположения.

Первое принадлежит Я.З.Цинцадзе. По его мнению, Изяслав посредством брака рассчитывал в лице Грузии обрести союзника, в частности, заручиться ее поддержкой в борьбе с половцами, что было вполне возможно, так как всецело соответствовало ощущающей в то время политической обстановке и расстановке сил. Наряду с этим Цинцадзе высказал еще несколько интересных предположений о некоторых обстоятельствах политического характера, которые могли предопределить данный исторический факт.

В грузинской историографии установлена и личность царицы, вступившей в брак с Изяславом. Ею была Русудан, дочь царя Грузии Деметре I (1125-1156), тетка (сестра отца) царицы Тамары (1160-1207).

Другое мнение принадлежит О.Г.Жужунадзе. Принимая во внимание Я.З.Цинцадзе о политическом значении брака Изяслава с Русудан и о взаимной информированности Грузии и Киевской Руси, он высказал сомнения по поводу возможности обезопа-

силье от половцев владения Изяслава посредством женитьбы на грузинской царице. Со своей стороны, Жужунадзе выдвинул весьма интересное предположение о заинтересованности Изяслава в заключении с Грузией церковно-политического союза. Жужунадзе считает, что Изяслав, стремясь к независимости русской церкви от Византии и поставив Киевским митрополитом своего кандидата "русина" Климента Смолятича, желал достигнуть официального признания этого факта с помощью автокефальной грузинской православной церкви, глава которой мог совершить акт поставления Климента митрополитом. По справедливому заключению Жужунадзе, поставление Климента Киевским митрополитом: выходило за рамки решения чисто церковного вопроса, так как этим путем Изяслав рассчитывал привлечь на свою сторону часть удельных князей, являвшихся сторонниками независимости русской церкви от Константинополя, создать себе опору в лице епископов, недовольных господством греков-митрополитов, а также завоевывать симпатии горожан. Жужунадзе подчеркивает, что в условиях феодальной раздробленности Изяславу в его борьбе за объединение русских земель особенно необходимо было иметь верного союзника в лице митрополита.

Н.Ф.Котляр, рассмотрев обе точки зрения, признал мнение Жужунадзе весьма остроумной гипотезой, однако версию Цинцадзе нашел стоящей ближе к истине. Подчеркивая, что мнение Цинцадзе выглядит вполне убедительным, Котляр вместе с тем считал нужным дать и некоторую конкретизацию картины внутреннего состояния Руси и расстановки сил в междукняжеской борьбе за владение Киевом, что могло определить стремление Изяслава к союзу с Грузией. Котляр совершенно справедливо заключает, что "в обстановке непрерывных войн против Мономаховичей и Ольговичей, которые опирались на могущественную поддержку своих родственников, половецких ханов, надежды Изяслава Мстиславича ударить в тыл этим кочевникам вполне могли связываться с женитьбой на грузинской царице". К этому вполне правильному выводу Котляр приходит, учитывая влияние грузинского царства на половецкую орду. Однако мы не можем согласиться с

отрицанием доводов Жунадзе.

3. Нам представляется, что основные выводы Цинцадзе и Жунадзе вполне логичны и обоснованы и их не следует противопоставлять. Оба обстоятельства вовсе не исключали друг друга. Более того, их следует рассматривать именно в единстве, как один комьюкс, так как союз с Грузией мог быть использован Изяславом и в деле поставления Киевским митрополитом желаемого кандидата, и в деле оказания влияния на половцев. Ведь оба обстоятельства могли служить одной цели — упрочению Изяслава на княжеском престоле в Киеве. Более точный ответ мог бы дать анализ последующих событий, однако вскоре после овдабь Изяслав скончался, а овдовевшая Русудан возвратилась в Грузию, и, таким образом, намечаемый союз не удалось осуществить.

4. Сведения грузинских летописей о выборе в мужа царике Тамаре сына Андрея Боголюбского должным образом исследованы и интерпретированы в советской историографии, однако требуют и некоторых уточнений.

Грузинский царь Георгий III (II56—II84) за неимением сыновей еще при жизни, в II78 г. возвел свою дочь Тамару на престол и царствовал совместно с нею. После смерти Георгия III (II84) при дворе остро стоял вопрос о выборе жениха для Тамары. Разгорелась борьба между политическими группировками, выставившими желаемых им кандидатов. Верх одержала группировка, выставившая кандидатуру сына владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского — Юрия (Георгия), который при жизни отца одно время был князем в Новгороде, а после смерти отца, потерпев поражение в междоусобице, вынужден был оставить Новгород, затем вообще был изгнан за пределы Руси своим дядей Всеволодом Большое Гнездо. После II75 г. в политической жизни Руси Юрий Андреевич уже не фигурирует. Покинув родину, он укрылся на Северном Кавказе у половцев. Судьба и личность Юрия были известны тем политическим кругам в Грузии, которые решили выставить его кандидатуру в мужа царике Тамаре. Все это, естественно, свидетельствует об опреде-

ленной осведомленности правящих кругов Грузии о политическом положении Руси того времени. Кандидатура Юрия по знатности происхождения и единоверию, по его внешнему облику и физическому состоянию, способностям к воинским делам, а главное, благодаря отсутствию поддержки на Руси устраивала тот политический круг в Грузии, который решил сделать его своей креатурой. Юрий был привезен в Грузию. В 1185 г. состоялась свадьба. Спустя два года, в 1187 г. в результате разгоревшейся в Грузии внутривосточной борьбы Юрий с почетом и о соответствующим материальным обеспечением был удален в Константинополь. В 1188 г. вторым мужем Тамары стал осетинский царевич Давид Сослан. От него Тамара имела двух детей: сына — Георгия Лаши, царствовавшего в Грузии в 1207–1222 годах, и дочь — Русудан, царствовавшую в Грузии в 1223–1245 годах. В 1191 г. Юрий предпринял попытку вернуться в Грузию, пользуясь новой вспышкой внутренней борьбы в Западной Грузии, которая была подавлена. Затем он вторично пытался начать борьбу в Восточной Грузии, но вновь потерпел поражение и удалился. После этого о нем никаких сведений не имеется.

В.Б.Перхавко

ЛЕТОПИСНЫЙ ПЕРЕЯСЛАВЕЦ НА ДУНАЕ

Упомянутый всего шесть раз в ЛПД при описании событий 967–971 гг. город Переяславец известен под разными названиями и по другим источникам: как Малый Преслав византийских хроник И.Скилицы, И.Зонары (XI–XII вв.), среднеболгарских переводов хроник Зонары и К.Манасси, Преславитца византийских печатей XI в., Барасклафиса арабского географа ал-Идриси (ок. 1153 г.), Прославица европейских морских карт XV–XVI вв. Недавно выдвинута также гипотеза о его переименовании императором И.Цемисхлем в Феодорополь после 971 г. (И.Норданов, 1982). Этот дунайский центр давно уже привлёк внимание как отечественных, так и зару-

бежных исследователей. В литературе дискутируются прежде всего проблема его точной локализации, его роли во время балканских походов киевского князя Святослава и торгово-экономического значения в X-XII вв.

Ученые XIX-XX вв. гипотетически размещали Переславец-Малый Преслав в самых разных местах Нижнего Подунавья: на дунайском о. Балта между Черна водой и Хирсовом (К.И. Иречек, В.Н. Златарский), в Девне (К.Брэтеску), в Исаке (С.Паску), Капидаве (В.Томашек), у с. Эски-Сарай - совр. Гырличу (Б.Недков, Б.А.Рыбаков и др.), в Русе (А.Ф.Гильфердинг), на дунайском о. Пекуйул лун Соаре (П.Нестурел), на месте о. Цар Крум недалеко от Преслава Великого и Илиски (П.Диакону). Но наиболее обоснованным на сегодняшний день является мнение тех исследователей (М.Дринов, П.Мутафчиев, Н.Грэмада, К.Цигодару, Н.Икономидес и др.), которые располагают его у с. Нуфэру (бывш. с. Прислава) на Георгиевском рукаве Дуная в 10 км к юго-востоку от г. Тулчи. Эта локализация соответствует сведениям ал-Идриси, по которым Бараскляфиса находилась на реке в четырех днях пути на восток от г. Силистры (Доростола), а также размещению Прославицы на морских картах XV-XVI вв. С. Прислава упоминается в документах XIII-XIX вв. Здесь открыты остатки средневекового города с укреплениями и археологическими материалами X-XIV вв.

Какова же роль Переславца-Малого Преслава в дунайских войнах Святослава? Принимая на веру все известия ПВЛ под 967-971 гг., часть ученых (В.Н.Татищев, А.Д.Чертков, М.Н.Тихомиров, Б.А.Рыбаков, А.Н.Сахаров и др.) полагают, что они относятся именно к Переславцу, дважды взятому русскими войсками во время первого и второго походов Святослава. Другие историки предположили, что Переславец ПВЛ - это в действительности Великий Преслав, столица Болгарии, название которой из-за давности лет и отсутствия точной информации перепутал древнерусский летописец XI - начала XII вв. (П.И.Шафарик, Е.Голубицкий, П.Диакону, А.Кузев, В.П.Нерозниц). Согласно третьей точке зрения, при

описании первого похода Святослава на Дунай в летописи в самом деле речь идет о Переяславце-Малом Преславе, а события, связанные с ним в рассказе о втором походе, относятся к Преславу Великому (В.Н.Златарский, А.Г.Кузьмин).

Анализ летописных известий о Переяславце и сопоставление их с данными других источников убеждают нас в том, что летописец, пользуясь главным образом устными преданиями, ошибочно отнес к одному Переяславцу действия, происходившие как вокруг него, так и Преслава Великого. Так, например, слова ПВЛ под 967 г. о том, что Святослав после захвата дунайских центров "седе кнѣжа ту в Переяславци, емля дань на грецех", в большей степени подходят к стольному городу Преславу, чем к периферийному Переяславцу-Малому Преславу. В речи Святослава под 969 г. говорится о Переяславце как середине его владений, значит уже во время первого похода русскими войсками были захвачены не только собственно дунайские города, но и болгарская территория к западу и югу от Нижнего Дуная, в том числе и Великий Преслав. После вторичного захвата Переяславца в 971 г. Святослав заявил грекам: "Хочю на вы ити и взяти град ваш, яко и сей". Киевский князь мог сравнивать Царьград лишь со столицей Преслава: Великим, но не с дунайским торговым портом Малым Преславом. По Устьжской летописи после подписания мира с греками в 971 г. в Доростоле Святослав сразу же отправился на Русь, а "к Переяславцу не пошел". И здесь речь идет, скорее всего, о Преславе Великом, так как, спускаясь от Доростола (летописного Деревистра) вниз по Дунаю на ладьях, нельзя не миновать подлинного Переяславца-Малого Преслава. Странно и то, что составители ПВЛ ни разу не называют болгарскую столицу Преслав, игравшую значительную роль в событиях 967-971 гг., о чем свидетельствуют византийские авторы X-XII вв. (Лев Диакон, Иоанн Скилица, Иоанн Зонара). Эта путаница объясняется прежде всего созвучием в названиях Преслава Великого, Переяславца - Малого Преслава и древнерусского города Переяславля, известного по летописи о X в. (первые упоминания под 907, 945 и 992 гг.).

Жителей Переяславля-Южнорусского, как и Переяславца на Дунае, древнерусские летописи именуют одинаково — "переяслави". В Ермолинской летописи конца XV в., летописных сводах 1497 и 1518 гг., в некоторых списках Шконовской летописи, Мазурином летописце конца XVII в. при описании дунайских походов Святослава упоминается то Переяславец, то Переяславль (Переаслав, Переославль). В труде польского историка XVI ст. М. Стрыйковского, а также в поздних русских летописях XVII в. тоже говорится о резиденции князя Святослава в болгарском городе Переяславле. Чтобы отличить его от Переяславля-Киевского, составитель Густинской летописи (XVII в.) называет Переяславец Болгарским или Дунайским, а Устужской летописи — Волинским. В записанных на Севере русских былинах фигурирует богатырь Дунай Переславьев, которого по предположению фольклориста М. Г. Халанского (1902) можно отождествить с киевским князем Святославом.

В византийских хрониках XI–XII вв. (И. Скилица, И. Зонара, К. Манасси) Малый Преслав упоминается только с 1000 г., а в рассказе о событиях 967–971 гг. в Болгарии вовсе не называется. Показательно, что Анна Комнина в "Алексиаде" (первая половина XII в.) путает, описывая события конца XI в. на Нижнем Дунае, Великий Преслав с Малым. В эпоху Первого Болгарского царства Переславец-Малый Преслав еще не имел большого политического и торгово-экономического значения, какое он приобрел позднее, в XI–XII вв., когда стал центром византийской административной единицы — катепаната или стратигии. Во время дунайских походов Святослава Переславец-Малый Преслав не раз, очевидно, становился базой для русских войск, поэтому хорошо запомнился возвратившимся на Русь дружинникам, побывавшим и в Преславе Великом. В возникших на основе их рассказов в Киеве устных преданиях название болгарской столицы из-за созвучия трансформировалось и ассоциировалось с Переславцем-Малым Преславом, который часто посещали в XI–XII вв. древнерусские купцы, являвшиеся информаторами летописцев.

Устные предания о деятельности Святослава и известные летописцам XI – начала XII вв. современные им реалии использованы также при составлении речи киевского князя перед матерью и боярами в 969 г. Устная традиция донесла, по-видимому, лишь объяснение Святослава переноса резиденции из Киева торгово-экономическим значением Переяславца на Дунае, под которым подразумевался Преслав Великий – крупнейший торговый центр Болгарии IX–X вв. Гипотеза А.А. Шахматова (1908) о заимствовании торговой характеристики Нижнего Подунавья составителем Древнейшего свода 1039 г. из несохранившегося болгарского исторического сочинения не подтверждается при детальном ее анализе. Если упомянутый в речи 969 г. перечень византийских и древнерусских экспортных товаров (золото, дорогие ткани, вино, южные фрукты из Византии; меха, воск, мед, рабы из Руси) соответствует торговому обмену между двумя странами и в X, и в XI–XII вв., то из Чехии и Венгрии серебро и лошади вряд ли вывозились в X в. на Нижний Дунай. По этому поводу нет никаких других достоверных сообщений письменных источников. В то же время известно из "Слова о полку Игореве" о ввозе венгерских скакунов на Русь. Серебро в виде венгерских и чешских монет-денариев поступало в XI в. (а не во времена князя Святослава) в древнерусские, но не в нижнедунайские земли. Таким образом, летописец XI – начала XII вв. дополнил торгово-экономическую характеристику Переяславца на Дунае (то есть Преслава Великого) второй половины X в. современными ему сведениями о торговых связях Руси.

В X в. по торговому значению Переяславец – Малый Преслав заметно уступал болгарской столице Преславу Великому. Древнерусские купцы в это время по пути в Константинополь останавливались в черноморских гаванях Болгарии (Констанца, Варна и др.), а Переяславец–Малый Преслав находился на значительном расстоянии (не менее одного-двух дней плавания вверх по Дунаю) от морского побережья. Роль Нижнего Подунавья и Переяславца–Малого Преслава в торговых контак-

тах Руси с Византией намного возросла с начала XI в., после установления византийского господства в этих землях. К XI-XII вв. (но не к X ст.) относятся и археологические материалы, свидетельствующие о древнерусском торговом обмене с нижнедунайскими центрами (Доростолом-Силистрой, Диногепией, Исактей, о-вом Пакуйул луи Соаре, Капидавой, Мечиной, Черна водой). В районе с. Нуфэру, где предположительно локализуется Переяславец-Малый Преслав, преобладают археологические находки последней трети X-XIV вв.: византийские амфоры, поливная посуда, монеты и печати; восточные сфероконические сосуды для благовоний и ртути; привезенные из Руси ремесленные изделия (поливное глиняное яйцо-писанка, пряслица для прядения из розового овручского шифера). Кго большое торговое значение в XI-XII вв. подтверждается найденными печатями византийских торговых чиновников-коммеркиариев Преолавитцы.

А.В.Подосинов

К ВОПРОСУ О ВЕНЕДАХ "ПЕВТИНГЕРОВОЙ КАРТЫ"

Оставляя в стороне проблему славянства венедов Северо-Восточной Европы в греко-римских источниках первых веков нашей эры (Плиний, Тацит, Птолемей), мы хотели бы затронуть здесь вопрос о венедском этнониме на Певтингеровой карте (*Tabula Peutingeriana* - далее ТР).

Как известно, ТР - это карта мира, изготовленная, судя по последним палеографическим данным, в конце XII - начале XIII вв.¹, но по своей форме и содержанию относящаяся к первым векам нашей эры. Вопрос о времени создания карты, этапах ее развития и времени завершения работы над ней сложен и до конца пока не ясен. Наиболее распространен взгляд, согласно которому основа карты была оставлена, вероятно, в начале III в., восходила к топографическим справочникам рубежа нашей эры (а может быть и к карте Агриппы), дополнялась и корректировалась в IV и V вв.². Многообразие

топографической номенклатуры карты и недостаточность наших знаний о развитии географической теории и практики в первой половине I тысячелетия н.э. приводят к умозрительности в выводах об истории карты и неудачам в попытках приурочить создание архетипа ТР к какому-то точному времени (от I в. до н.э. до V в. н.э.).

Поскольку на ТР дважды встречается имя вenedов (УП, I³: Venadisarmatae и УП, 4: Venedi), отнюдь не правым, хотя и весьма трудным является вопрос о времени появления этого этнонима на нашей карте.

Попытаемся прежде всего с помощью косвенных данных определить "возраст" всей совокупности этнонимов, размещенных вдоль северного побережья Европы.

Начиная с северо-запада континента, по верхнему краю карты севернее нижнего Рейна написаны следующие имена: Chamavi qui el Franci (i.e. et Franci), Naci, Vapii, Varii

(ср. Tacit. Germ. 34: Chauci и Angrivarii, или Chasuarii?), Orheptisni (Cherusci?, ср. Tacit. Germ. 36) — все имена написаны в сплошной чересполосице. Далее на восток следуют названия: Francia, Burcturi (i.e. Bructeri, ср. Tacit. Germ. 33), Suevia, Alatannia, Armalausi, Marcomanni и Vanduli (последние надписаны над маркоманами), Quadi и Int/h/u/n/gi (буквы обоих названий написаны в чересполосицу), Bur/i/, Sarmate vagi, solitudines Sarmatarum, Amahobii Sarmatae, Lupiones Sarmate, Venedi Sarmatae etc.

Большинство этих названий можно встретить уже у Тацита в его "Германии" (80-е — 90-е гг. I в. н.э.), где, несомненно, использован большой источниковый материал I в. до н.э. — I в. н.э. Освященные авторитетом Цезаря, Тита Ливия, Плутарха Старшего и Тацита (труды Ливия и Плутарха о Германии не сохранились), эти имена превратились на весь период поздней античности в общий фонд хорошо известных этнонимов и не могут служить датированным фактором при определении terminus post quem для составления карты⁴.

Интереснее для нас названия тех племен, которые по-

явились в поле зрения античных авторов и вошли в этногеографический обиход позднее всех прочих. К таким можно отнести, по-видимому, названия: *Franci*, *Francia*, *Alamanni* и *Iuthungi*, не встречающиеся ни у Плиния, ни у Тацита.

Сведское племя аламаннов впервые исторически засвидетельствовано в 213 г. н.э. в Южной Германии; всю вторую половину III в. и далее они, в союзе со своими сородичами ютунгами, непрерывно взламывали Рейнский лимес, угрожая Галльским провинциям и даже самой Италии⁵.

С середины III в. н.э. начинает встречаться в источниках и имя франков, означающее группу нижнерейнских племен; в середине III в. они распространили свою власть до среднего Рейна⁶.

Таким образом, *terminus post quem* для их появления на карте — III в. н.э. (скорее всего вторая половина)⁷. Понимая, что характер и расположение надписей на карте могли изменяться в процессе переработок карты и изготовления копий, мы все же думаем, что свобода варьирования у переписчика была ограниченной и по характеру расположения надписи можно предположить, была ли она вставлена позже других, "раздвигая" прежние, или даже вписываясь, за отсутствием свободного места, в чересполосицу с уже существующими, или же она изначально занимала отведенное ей место (заметьте, что такая чересполосица встречается на TP только в Северной Европе).

Если ютунги, как уже отмечалось, действительно написаны в чересполосицу со старыми Тацитовыми квадрами (то же можно сказать о *'Chamavi qui et Franci'*, но чересполосица здесь характерна и для "старых" имен), то названия *Francia* и *Alamanni* отделены от соседних имен достаточной дистанцией и выглядят так, будто они находятся на своих исконных местах (вообще распределение надписей по верхнему краю карты в целом довольно равномерное)⁸. Эти соображения приводят нас к предположению, что весь северноевропейский этнонимический ряд был выстроен не раньше III в. н.э.⁹.

Этот вывод должен, естественно, распространяться и на

имя венодов-сарматов, хотя они, как и большинство их соседей, были засвидетельствованы в античной литературе еще раньше, начиная с I в. н.э. (Плиний, Тацит, Птолемей).

Любопытную параллель нашему перечню народов обнаруживаем в анонимном памятнике конца III – начала IV в. "*Nomina provinciarum omnium*"¹⁰, который содержит кроме названий провинций также список, озаглавленный "*Gentes barbarae quae pullulaverunt sub imperatoribus*" (варварские племена, которые распространились при императорах). Перечисление этих племен в Европе ведется, как и в TP, с запада на восток: *Rugi*, *Heruli*, *Saxones*, *Franci*, *Chattuari* (рук. *gellouari*), *Chemevi* (рук. *samari*), *Frisiavi* (рук. *crin-giani*), *Amsivari*, *Amriviari*, *Flevi*, *Bructeri*, *Chatti* (рук. *cati*), *Burgundiones*, *Alemanni*, *Suebi* (рук. *sueui*), *Iuthungi* (рук. *iotungi*), *Armlausini*, *Marcomanni*, *Quadi*, *Taifali*, *Hermunduri*, *Vandali*, *Sarmatae*, *Sciri*, *Carpi*, *Scythae*, *Gothi*, † *Indii* etc.¹¹

Как мы видим, многие этнонимы и примерно в том же порядке встречаются и на TP (они подчеркнуты; волнистая линия означает большую возможность совпадения), и среди них те (*Franci*, *Alemanni* и *Iuthungi*), которые являются датирующими и для "*Nomina*" и для TP. Сходство номенклатуры в обоих памятниках¹² позволяет также поддержать одну из конъектур, предложенных Молленхоффом для рукописного этнонима *Indii*. Дело в том, что упоминание индийцев в данном месте совершенно неуместно – описание мира не простирается в "*Nomina*" восточнее Месопотамии, и потому был предложен ряд конъектур. Молленхофф предложил читать *Sin-di* или *Vinidi*¹³, Ризе – *Iudaei*¹⁴. Второе чтение Молленхоффа кажется нам предпочтительнее. Синды, народ на кавказском берегу Керченского пролива, давно потерял свое значение и редко появлялся в этнической номенклатуре Поздней Римской империи, в то время как веноды начиная с Плиния зафиксированы практически во всех более или менее крупных попытках этого времени осветить этногеографическую ситуацию в Северо-Восточной Европе (Плиний, Тацит,

Птолемей, TP). Заметим, что Плиний (II, 97) также фиксирует у Вислы оарматов, венеков, скиров и хирров, при этом первые три этнонима встречаются и в "Томии". Таким образом, мы здесь имеем, возможно, еще одно свидетельство о венедах (Indii=Vinidii=Venedi) в Восточной Европе, которых традиционно принято считать предками славян.

Примечания

- 1 См.: Weber E. Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324. Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976, S.11.
- 2 Ср. гипотетические отемы в работах: Kubitschek F. Itinerarien. - RE, IX, 1916. Sp. 2336; Weber, Op. cit. S. 23.
- 3 Нумерация сегментов дается по изданию Вебера.
- 4 Ср. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1966, с. 64, который считает, что наличие на TP буров, лугиев, маркоманнов, квадов, вандалов и некоторых других народов свидетельствует о составлении карты в конце III в. н.э., но ведь все эти народы упомянуты и примерно также локализованы уже Тацитом!...
- 5 См.: Steuer H. Alemannen. - Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin ; New York, Bd. I, 1973², Sp. 137-163.
- 6 Ср. SIA, Aurel. 7, 1-2; ср. Ihm M. Franci. - RE, VII, 1, 1910, Sp. 82-87.
- 7 Миллер, впрочем, считает, что в качестве устойчивых "царств" Франция, Свевия и Аламания могли восприниматься лишь в IV веке, которым он и датирует составление TP (Miller K. Itineraria Romana. Römische Reise-wege an der Hand der Tabula Peutingeriana dargestellt. Stuttgart, 1916, S. 611).
- 8 На этом основании Миллер категорически отвергал гипотезы о возможности поздних средневековых интерполяций в североевропейской ономастике (Miller, Op.cit., S. XIX-XX).

- 9 Так же считают Нидерле (Указ. соч., с. 53-54) и Ловмянский (Lowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T.I, Warszawa, 1964, s. 184).
- 10 См. о нем подробнее: Jones A.H.M. The Date and Value of the Verona List. - Journal of Roman Studies, 44, 1954 p. 218q. Мюллерхофф датировал список племен временем между 300 и 350 гг. (Müllenhoff C. Deutsche Altertumskunde, III, Berlin, S. 311-325).
- 11 Nomina, 13 (Riese, GLM, p. 129).
- 12 По мнению Шведера, это оходство объясняется тем, что перечень племен в "Nomina" списан с некоей большой римской карты мира, бывшей прототипом TP (Schweder E. Über die Weltkarte und Chorographie des Kaisers Augustus. 1. Über die römische Weltkarte. - Philologus, 54, 1895, S. 337-338).
- 13 Ibidem.
- 14 Riese, GLM, p. 129.

О.М. Рапов

КОГДА ПРОИЗОШЛО КРЕЩЕНИЕ РУСИ, ОТМЕЧЕННОЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХОМ ФОТИЕМ?

В начале 867 г. константинопольский патриарх Фотий обратился к ряду церковных иерархов с "Окружным посланием", в котором призывал их приехать в столицу византийской империи на собор. В нем говорилось о важных событиях, происшедших в жизни некоторых славянских народов: "И не только этот народ (дунайские болгары. - О.Р.) переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но даже и многими и многократно прославленные и в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой, так называемые русы, которые поработив находящихся вокруг себя и отсюда чрезмерно возгордившись, подняли руки и против Римской державы (Византии. - О.Р.). Но теперь и они переменяли эллин-

ское и нечестивое учение, которого держались раньше, на чистую и неподдельную христианскую веру и любовно поставили себя в ряду наших подданных и друзей, вместо недавнего грабительства и великой против нас дерзости. И настолько воспламенило их желание и ревность веры (да воскликнет онова Павел: "Благословен бог во веки!"), что они приняли епископа и пастыря и с великим усердием и ревностью принимают христианские верования". (*Patrologiae Graecae*. т.102. Р., 1860, р. 735-737).

Это место из "Окружного послания" чрезвычайно заинтересовало исследователей. Историки предприняли усилия для того, чтобы найти иные доказательства в древних источниках о крещении русов в IX в. И такие доказательства нашлись. О принятии христианства русами в IX в. имеются известия в византийских хрониках Продолжателя Феофана, Константина Манассия, Скилицы-Кедрина, Зонары, в поздних русских летописях, у церковного историка Цезаря Барония и в других средневековых памятниках письменности. Однако во всех этих источниках крещение русов в IX в. датируется по-разному. Так, если из послания Фотия видно, что оно произошло в правление византийского императора Михаила III и патриаршество Фотия, то из хроники Продолжателя Феофана, опирающейся на биографию императора Василия I Македонянина, написанную внуком этого царя Константином Багрянородным, можно заключить, что русы приняли крещение при Василии I и константинопольском патриархе Игнатии. Данное обстоятельство привело некоторых историков (например: Н.М. Карамзина, Д.И.Иловайского, М.С.Грушевского, В.А.Пархоменко, М.В.Левченко, Б.Я.Рамма) к мысли о том, что в IX в. было не одно, а по крайней мере, два крещения русов. Другие же исследователи (например: В.Н.Татищев, Макарий, Е.Е.Голубиновский, Ф.И.Успенский, Ф.М. Россейкин, В.И.Ламанский, В.В.Мавродин, А.В.Карташев, М.И.Артамонов, В.Т. Пашуто, А.Н.Сахаров) были склонны считать, что в IX в. имело место только одно крещение русов. Причем одни историки относили его к 60-м, а другие к 70-м годам. Однако

М.В.Левченко наглядно показал, что и известию Фотия, и известию Продолжателя Феофана вполне можно доверять (Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 78-79). А потому можно говорить о двух крещениях русов в IX в. — в первый период патриаршества Фотия (858-867 гг.) и во второй период патриаршества Игнатия (867-878 гг.). В данной работе речь пойдет только о том крещении, которое имело место в патриаршество Фотия.

Из "Окружного послания" явствует, что незадолго до принятия христианства "возгордившиеся" русы предпринимали враждебные действия против Римской державы. Источники содержат в себе ряд упоминаний о походах русов на Византию в 60-70-е годы IX в. Тем не менее, многие ученые считали, что речь в них идет лишь об одном военном предприятии 860 г., когда русский флот осадил Константинополь. С ним, по их мнению, и следует связывать последовавшее затем обращение русов в христианство. Однако Б.А.Рыбакову удалось доказать, что в 60-70-е годы IX в. было три крупных нашествия русов на Византию: в 860, 866 и 874 годах. Причем поход 860 г. был для нападающих удачным, а два других нет (Б.А.Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 165-169). Таким образом, приходится решать задачу: о каком из походов 60-х годов нужно связывать крещение русов.

В послании Фотий прямо указывает на то, что обращение русов в христианство произошло вслед за крещением дунайских болгар. Он как бы торопится сообщить иерархам эту приятную весть, являющуюся своеобразной новинкой. Но нам известно, что обращение в христианство болгар имело место где-то в 864-865 годах. Следовательно, крещение русов произошло несколько позже.

О том, что крещение русов свершилось незадолго до отправления "Окружного послания" свидетельствует и письмо римского папы Николая I, помеченное 28 сентября 865 г. В нем папа упоминает об осаде русами византийской столицы в 860 г. и называет этих русов янычниками. То есть, ему не было ничего известно об обращении их в христианство, и можно с

уверенностью говорить, что крещение русов произошло между концом сентября 865 г., когда Николай I назвал их язычниками, и самым началом 867 г., когда Фотий назвал нападавших на империю северных соседей уже христианами.

В 866 г. произошел новый, на сей раз неудачный поход русов на Константинополь, описание которого попало и в Повесть временных лет. В летописи говорится, что русский флот в составе 200 судов, воспользовавшись походом императорского войска на арабов, ворвался в Босфор и осадил Царьград. Византийскому василевсу Михаилу III с трудом удалось прорваться в столицу, над которой нависла страшная угроза. Однако русам не повезло. Внезапно поднялась страшная буря, и множество русских кораблей волнами было выброшено на берег и разбито. Огромной силы ветер поднял в воздух тяжелые камни и перенес их на большие расстояния, так что впоследствии их находили на дорогах. Остатки русского флота были вынуждены покинуть Босфор и возвратиться на родину.

В хронике Сильвии-Кедрина сообщается, что русы — "народ скифский", испытав на себе "гнев божий", по возвращении домой послали свое посольство в Константинополь с просьбой "сподобить их святого крещения, которое и получили".

Исходя из того, что в древнейших из дошедших до нас источниках императором Византии во время нашествия русов на Царьград назван Михаил III, их неудачный поход следует датировать периодом между 28 сентября 865 г. (когда папа Николай I выразил в письме свое возмущение тем, что язычники-русы не получили никакого воздаяния за утиненный ими разгром в окрестностях Константинополя) и 21 мая 866 г. (когда Василий I Македонянин был провозглашен соправителем Михаила III). Но ни поздней осенью, ни зимой, ни ранней весной по бурному и коварному Черному морю не плавали. Ясно, что морской поход русов, окончившийся уничтожением большей части их эскадры, должен был произойти не ранее конца апреля — начала мая 866 г. А в этом случае

приезд русского посольства в Царьград и массовое крещение русов должно было приходиться на лето или осень 866 г., что и дало возможность патриарху Фотию в начале 867 г. утверждать, что русы, подобно болгарам, приняли крещение.

Гибель русского флота не могла не бросить тень на славянских языческих богов, которые, получив причитающиеся им жертвоприношения, были обязаны, по мнению населения, противодействовать злым духам и не допустить несчастья. Но поскольку они не смогли предотвратить беды, то русы были вправе посчитать их бесоильными и обратиться к иному божеству, более могущественному. Таким должен был показаться им христианских бог, вызвавший бурю, уничтожившую корабли, а также ураганный ветер, разбросавший огромные камни на путях.

Принятие христианства русами от Византии было связано и с очень неприятными для восточных славян последствиями: они превратились в подданных византийских василевсов. Вряд ли такое положение дел могло удовлетворить как самовластных русских правителей, так и жителей региона, принявшего христианство. Поэтому не исключено, что спустя какое-то время русы отказались от поклонения новому богу и вступили с Византией опять в конфронтацию. 70-е годы IX в. ознаменовались еще одним походом русов на Ромейскую державу, закончившаяся миром и еще одним крещением Руси.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. Изучение внешней политики Древней Руси является темой, давно и плодотворно исследуемой в советской литературе. От конкретно-исторического содержания двусторонних связей и региональных комплексов межгосударственных отношений исследователи перешли к анализу определяющих причин внешнеполитических акций: устанавливались связи между внешней политикой и характером общественного строя Древней Руси, ее внешней торговлей. Большое значение в обобщении накопленных наблюдений имела монография В. Т. Папуто "Внешняя политика Древней Руси" (М., 1968). Как по-настоящему творческое исследование этот фундаментальный труд не только давал ответы на многочисленные поставленные в историографии вопросы, но и обращал внимание на необходимость дальнейшего изучения ряда проблем. Последующие исследования продолжались в развитии, хронологическое и тематическое, анализа общих вопросов, дипломатии и др., а также в расширение источниковой базы, совершенствование анализа источников, выявление новых и уточнение уже установленных фактов внешней политики Древней Руси. В. Д. Королук отметил необходимость дальнейшей разработки периодизации внешней политики и ее изучения в связи с анализом основных комплексов политических отношений. Накопленный в новейшей советской литературе опыт делает актуальным продолжение изучения периодизации внешней политики Древней Руси в связи с основными этапами развития ее общественного строя.

2. Марксистская методология позволяет раскрыть единство экономического, социального и политического факторов в изучении внешнеполитической истории государств, их диалектические связи: политика как концентрированное выражение экономики, единство социальной природы внутренней и внешней политики, война как продолжение политики опреде-

ленных классов, способ ведения войны, определяемый уровнем экономического развития и составом армии. Воздействие этих объективных факторов осложнялось многообразными по содержанию субъективными причинами. Конкретно-исторический анализ в изучении причин и явлений внешнеполитической истории Руси затруднен недостатком исторических источников. Однако связь основных этапов общественного строя Древней Руси и периодов ее внешней политики устанавливается достаточно ясно. Указанные методологические принципы и накопленный советскими исследователями опыт позволяет продолжить изучение данной проблемы.

3. Во второй половине IX – первой половине X вв. основу общественно-политической структуры Древнерусского государства составляли племенные княжения под властью великокняжеской династии. Их завоевание лишь продолжило в другой форме имманентные интеграционные процессы, которые выразились в появлении в конце VIII – начале IX вв. Северного и Южного племенных объединений. Князья племенных княжений находились в вассальной зависимости ("под рукой") великих киевских князей. Иерархическая система власти руководила ополчениями племенных княжений в реализации политических целей киевских великих князей. Превращение Киева в столицу молодого, огромного по размерам государства, активные торговые связи с Византией предопределили византийскую направленность внешней политики Олега и Игоря, основной задачей которых являлось ослабление экономического и военного могущества Византии на Черном море, приобретение торговых льгот для русоких купцов. Волжско-каспийское и донокое направления были, в основном, мирными, торговыми. Военные набеги не могли окружить таможенные барьеры Хазарского каганата.

4. Образование относительно единого государства в середине – второй половине X в. ускорило внутренние интеграционные процессы. Преобладающие государственные формы эксплуатации лично свободного сельского населения сохраняли военный потенциал ополчений, военное участие в кото-

рых отало государственной повинностью. Значительные внутренние военные ресурсы, объективные экономические потребности торговли русских купцов, давно назревшие политические задачи явились объективными условиями грандиозных походов Святослава против Хазарии, которые расчистили торговые пути по Волге и Дону и нанесли смертельный удар Каганату. Византийская политика Святослава волею судьбы субъективизма поставленных задач потерпела закономерное поражение, несмотря на большое военное и дипломатическое искусство киевского князя. С важнейшими внешнеполитическими акциями были связаны крещение княгини Ольги и ее стремление организовать епископию на Руси. Они использовали политические и церковные противоречия Византийской и Священной Римской империй.

5. Третьим, завершающим этапом внешнеполитической экспансии молодого Древнерусского государства, социально-экономической основой которого была раннефеодальная система общественных отношений в процессе генезиса и развития, стали княжения Владимира и Ярослава. Формой политической власти явилась раннефеодальная монархия. В этот период был установлен прочный контроль Руси над Верхним Поволжьем и его торговым путем на Восток. Расширение пределов Руси в Прикарпатье, междуречье Прута, Днестра и Западного Буга обеспечивало пути в страны Центральной и Западной Европы. Эти общегосударственные политические акции, которые осуществлялись военным путем, дополнялись матримонимальными связями с правящими домами Византии, Германии, Польши, Швеции, Франции, Венгрии. Они обеспечивали активное воздействие на политическую жизнь в Северной, Центральной и Юго-Восточной Европе.

6. Три этапа первого периода внешнеполитической истории Руси конца IX – первой половины XI вв. имели сущностное единство вследствие генезиса и развития раннефеодального социально-экономического строя. Эта политика основывалась на военном потенциале ополчений лично свободного крестьянства, которое составляло главную военную сп-

лу киевских князей. Однако этот потенциал начал исчерпываться в конце X – первой половине XI в. в результате многочисленных грандиозных походов киевских князей, но главное – вследствие социального и экономического натиска феодального государства и господского хозяйства на лично свободное крестьянство, которое все больше становилось объектом эксплуатации. Вероятно, свидетельством истощенности этого ресурса военной силы Древнерусского государства стало укрепление в данный период государственных рубежей посредством строительства крепостей и оборонительных систем. Одновременно возросло значение дипломатических и matrimониальных союзов для достижения политических целей. Военный союз Ярослава Мудрого с германским императором Конрадом II в борьбе против польского князя Мешко II свидетельствовал о его дипломатическом искусстве, но в то же время он указывал на ограниченность военных сил, которыми располагал киевский князь (к социальному фактору в середине 20-х – середине 30-х гг. добавился политический – захват Мстиславом Левобережной части Поднепровья).

7. Существенны в литературе различия в понимании содержания внешней политики Руси, ее соотношения с общественным строем во второй половине XI в. Сложность изучения этой проблемы заключается в противоположных социально-экономических и политических тенденциях в Древнерусском государстве этого времени. С одной стороны, происходили становление развитых феодальных отношений, начальные процессы феодальной раздробленности. С другой стороны, при междоусобных распрях этого времени киевские князья продолжали проводить единую внешнюю политику преимущественно дипломатическими средствами (борьба братьев в конце 60–70-е гг. не меняла общегосударственных целей их деятельности). В этом Ярославичи продолжали политику своего отца. Поэтому В.Т.Пашуто обоснованно не выделил вторую половину XI в. в особый период внешнеполитического развития Древней Руси.

8. Феодальная раздробленность, уменьшение значения народных ополчений, превращение их в ополчения городов,

значительное возрастание роли внутригосударственных междукняжеских отношений существенно изменили роль внешнеполитических связей древнерусских княжеств. Единая государственная внешняя политика Руси распалась во второй четверти XII в. на решение внешнеполитических задач отдельных княжеств, которые время от времени объединяли свои усилия для достижения общих целей под руководством киевского великого князя или иного руководителя таких временных объединений.

В.Н.Смирнов

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ И СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ

Изучение международных связей Русского государства, в широком плане разрабатывавшееся В.Т.Пашуто, и до настоящего времени представляет собой одну из важных задач исторической науки. Советскими историками вполне закономерно был поставлен вопрос о месте Руси в системе средневекового мира, международном значении Древнерусского государства.

Среди разнообразных международных связей Руси особое место принадлежало Византийской империи, являвшейся наследницей античной цивилизации. Принятие Русью христианства во многом способствовало не только расширению и упрочению отношений с Византией, но и усвоению и творческой переработке достижений многовековой культуры одной из самых развитых стран средневековья.

Экономические связи Руси с Византией и Северным Причерноморьем неотделимы от всего комплекса политических, церковных и культурных отношений двух стран, и исследование их возможно лишь в тесной связи с внутренним социально-экономическим развитием Руси и Византии. В этой связи и сами русско-византийские экономические отношения долж-

ны рассматриваться в более широком аспекте, включая в себя взаимную торговлю различными товарами, военную помощь, оплачиваемую заинтересованной стороной, участие церковных деятелей как с русской, так и с византийской стороны в строительстве монастырей (иногда в качестве компаньонов), переселение мастеров и налаживание на новом месте производства, приход "мастеров из грек" для строительства и украшения храмов, денежная помощь и т.д.

Источники позволяют выделить три этапа в развитии экономических отношений Руси с Византией и Северным Причерноморьем в домонгольское время: VIII–IX вв., X–XI вв. и XII – первая половина XIII в.

Экономические связи восточных славян с империей в течение всего VIII века осуществлялись при посредстве Хазарского каганата, а с первой половины IX в. (посольство 839 г.) они вступают с ней в непосредственные отношения. Со второй половины IX в., в связи с оживлением городокой жизни в империи и ростом Древнерусского государства происходит укрепление экономических отношений между ними и Северным Причерноморьем, о чем свидетельствуют письменные источники (Ибн Хордадбек) и нумизматические данные. Среди славянского населения Поднепровья особенно ощутимые контакты с Северным Причерноморьем в VIII–IX вв., судя по археологическим данным, наблюдаются с его левобережными (в основном лесостепными) группами.

В это время основным путем проникновения византийских и северопричерноморских товаров к восточным славянам был Дон. Днепровский путь, по-видимому, начинает функционировать лишь с начала IX в. Во второй половине IX в. основными экономическими центрами русско-византийской торговли являлись Константинополь и Херсон, куда все настойчивее стремились русские купцы. Завершением этого этапа явилось заключение русско-византийского договора 907 г.

В X–XI вв. происходит укрепление и расширение экономических связей Руси с Византией и Северным Причерноморьем. С начала X в. они получают юридическое оформление

(торговые договоры). Возрастая примерно до середины XI в. военная помощь русских Византии, возможно, была эквивалентом тех торговых льгот, которыми пользовались русские купцы в империи.

С конца X в. экономические отношения обеих стран приобретают новые и более разнообразные формы. В русских городах появляются греческие мастера, участвовавшие в строительстве и украшении первых каменных храмов (Киев, Чернигов, Переяславль, возможно, Новгород и Полоцк). В Киев приезжают мастера — стеклоделы из Византии и налаживают здесь самостоятельное производство. В самой Византии, на Афоне, в начале XI в. основывается русский монастырь Ксиклургу, который стал быстро богатеть и расширяться.

С принятием христианства Русь должна была не только начать строительство храмов, но и приступить к созданию самой церковной организации по принципу и подобию византийской. Подчиненная константинопольскому патриарху русская православная церковь, несомненно, была связана с Византией и экономическими узами. Заинтересованность патриархии в доходах с русской митрополии, с одной стороны, и нужды нормального функционирования русских церквей и растущие запросы нарождающейся духовной феодальной знати Древней Руси, с другой — обуславливали прочность этих отношений.

Византийский и северопричерноморский импорт X—XI вв. прослеживается на всем протяжении пути "из варяг в греки", достигая района Белоозера. В то же время соседние северо-восточные земли Древнерусского государства (Ростов, Суздаль) втягивались в экономические отношения с империей лишь по мере усиления колонизации этого края славянами. Археологически византийский и северопричерноморский импорт в этом регионе прослеживается только с XI в.

В X в. и вплоть до татаро-монгольского нашествия основным торговым путем в связях Руси с Византией и Северным Причерноморьем был Днепровский путь. Важнейшей причиной, вызвавшей перемещение торгового пути с Дона на Днепр,

являлись сначала оттеснение (при Олеге), а затем разгром (при Святославе) Хазарии. Существовали и другие торговые пути, связывавшие Русь с Византией и Северным Причерноморьем: Солоний, Залозный, а также путь из Галиции через Болгарию на Царьград.

XII – первая половина XIII в. – период расцвета древнерусской торговли. Общий объем импортируемой продукции в это время, судя по археологическим источникам, возрастает, достигая максимума к концу XII в. Вино и маоло(более двух третей находок амфор из 150 памятников, зафиксированных на территории Руси, относится к XII–XIII вв.), шелковые ткани, бусы, браслеты, поливная керамика, стеклянная посуда, грецкие орехи, произведения художественного ремесла, некоторые предметы бита – вот далеко не полный перечень товаров, поступавших в это время из Византии и Северного Причерноморья.

Русско-византийские экономические связи развивались в течение пяти столетий по восходящей линии вплоть до разгрома Константинополя крестоносцами. В первой половине XIII в. (после 1204 г.) объем торговли между обеими странами уменьшается, но Русь продолжает поддерживать торговые связи с Северным Причерноморьем, а через него и с малоазийскими городами.

Нашествие татаро-монгольских орд еще более ослабило эти связи, однако Русь продолжала поддерживать контакты с Никейской империей, а после 1261 г. – с восстановленной, правда, уже не в прежних размерах Византийской империей,

Середина XIII – первая половина XV в. – время, когда Русское государство в условиях тяжелого татаро-монгольского ига медленно и постепенно расширяло свои связи с Византией и Северным Причерноморьем. Ослабление Золотой Орды в середине XIV в. и экономический рост русских городов во второй половине того же столетия способствовали установлению более тесных экономических отношений Руси с Византией и итальянскими колониями в Крыму. Торговля с Югом имела существенное значение для развивавшегося Московско-

го государства. Донской путь и связи с Судаком, Кафой и Константинополем в XII веке были своего рода "окном в Европу", непосредственной связью русских земель с богатым Средиземноморьем. С падением Константинополя (1453 г.) прекратила свое существование Византийская империя, а связи Руси с Северным Причерноморьем не прерывались вплоть до начала XVI в.

Н. А. Соболева

О РАТИФИКАЦИИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРОВ X в.

1. Договоры Руси и Византии как правовые памятники получили разностороннюю оценку в отечественной дореволюционной, советской и зарубежной историографии. Подверглась исследованию и форма договоров. Довольно успешное применение сравнительно-исторического метода в изучении формуляра русско-византийских договоров, однако, не внесло четкости в определение способов утверждения данных международных актов. Это заставляет еще раз обратиться к анализу способов скрепления русско-византийских договоров, рассмотрев систему утверждения последних в плане соотношения с существовавшими международными традициями и в плане корреляции становления такого правового института, каковы является печать, в Древней Руси и в средневековом мире вообще.

2. При утверждении международных соглашений в Византии, по крайней мере до к. X в., наблюдается отсутствие стереотипа: в одно и то же время существуют различные способы утверждения договоров с различными странами. Наряду с упоминанием о подписном скреплении международных договоров Византии в источниках встречаются оведения о ратификации договоров при помощи клятвы, практика применения которой в византийско-иностранных договорах имела давнюю традицию и разнообразные формы (со стороны контр-

агентов Византии). О роли печати как удостоверительного знака в византийско-иностранных договорах имеются не однозначные сведения. Например, известия о печатях, включенных в процесс оформления византийско-персидского договора VI в., не четки и отличаются нюансами в зависимости от перевода и толкования их последователями. Вопрос об утверждении этого договорного акта при помощи печатей послов остается открытым. Однако нельзя отрицать наличия у послов перстней-печатей, при помощи которых производились оттиски, запечатывающие, закрывающие акт (он был свернут трубкой), что, несомненно, является классическим наследием, прочно утвердившемся в быту византийцев и многих варварских народов. Недостаточно конкретные сведения имеются в трудах византийских авторов относительно печатей кушцов. Интерес в плане сравнения с аналогичными сведениями, приводимыми русско-византийским договором 944 г., представляет договор 716 г. между Болгарией и Византией, в котором говорится, что торговцы обеих стран должны быть снабжены грамотами и печатями. Подобный перевод греческого текста вызывал возражения. В настоящее время В.Кутиков (Българо-византийският договор от 716 в.) вносит наиболее приемлемый акцент в трактовку текста Феофана: не грамоты с печатями имели торговцы, а печати как удостоверения личности (в виде колец) и пломбы, которые определяли количество и качество привозимого или вывозимого товара. Товары без пломб конфисковывались.

3. Данные об утверждении русско-византийских договоров X в. содержатся, как известно, в Повести временных лет. Изучение сообщений о форме утверждения договоров, помещенных в летописи, а также некоторые соображения, вытекающие, во-первых, из анализа сравнительного материала, во-вторых, из механизма правовых действий указанного времени, позволяют прийти к следующим выводам: а) договор 907 г. скрепился клятвой обеих сторон. Клятва византийцев материализовалась в целовании креста, в прикосновении к Евангелию или другому предмету подобного характера, в при-

изнесения соответствующей формулы. Русские клялись оружием (специфика ритуала), произносили соответствующую формулу с упоминанием громовержца Перуна (аналог — клятва чехов в языческое время); б) договор 911 г. со стороны Руси утверждается при помощи клятвы, с византийской стороны договор скреплялся подписью императора, однако, дополняла подпись также клятва греков, которая уравнивала в правах (для русских) договор, скрепленный клятвой русской стороны; в) если даже на византийском экземпляре (идущем к русской стороне) имелась императорская подпись, согласно канонам византийского делопроизводства, для русских требовалось, чтобы договор скреплялся клятвой византийской стороны. Игору поведали об этом византийские послы: "Твои сии водили суть царю нашим роте, и нас послаша роте водить тебе и **мужь** твоих". Этот текст свидетельствует также, что для византийцев недостаточным оказалось скрепление договора подписями русских послов (если это были действительно подписи, а не перечень имен послов и гостей); но потребовалась клятва князя и его людей. Клятва несколько изменилась ввиду появления на Руси христиан, изменилась и формула ее. Однако способ утверждения договора по сравнению с 911 г. не изменился: о печатях, имеющих отношение к скреплению договора речь не идет; г) договор 971 г. впервые упоминает печати, которые как-будто бы скрепляли его. Однако в тексте договора имеется свидетельство утверждения договора Святославом при помощи роти, ритуал которой остался неизменным. Предположение о запечатывании договора русскими послами можно принять лишь в том случае, если трактовать это запечатывание не как утверждение (ибо это уже сделал Святослав), а как закрытие свернутого в трубку (согласно византийской канцелярской практике) договорного текста. Можно усмотреть во фразе о печатях также следы оформления договора "по-византийски", в результате чего (при корректировке текста в греческом лагере, при записи речей русских послов по-гречески императорскими переводчиками и писцами) по-

явилась фраза "о своих печатях". Во всяком случае, говорить о принадлежности упоминаемых печатей русскому князю или приписывать функцию удостоверительного знака печатям русских послов нет достаточных оснований. Тем более нет явных свидетельств того, что они имели вид металлической буллы.

4. Маловероятно представляется попытка отождествить с удостоверительными знаками в виде металлических булл и печати, упоминаемые в тексте русско-византийского договора 944 г. Эта дата принимается за древнейшую, когда речь идет о появлении русских печатей. Однако в договоре 944 г. о печатях послов и купцов речь шла как об уже существовавшем ранее факте. Но до сих пор купцы и поолы предъявляли свои удостоверения личности в виде печатей согласно византийской традиции (договор 716 г. о болгарам, сообщения Константина Багрянородного и т.д.), это, по-видимому, были перстни. В тексте договора речь идет не об их замене на грамоту, а о требовании предъявлять грамоты, где русские пишут о количестве кораблей, посылаемых в Византию. Данная норма вызвана распространением византийской торговой регламентации на русские товары (аналогия – византийско-персидский договор 562 г., византийско-болгарский 716 г.), которые, согласно существовавшей ранее договоренности, русские могли привозить в Византию без ограничения. Следовательно, об утвердительной функции этой категории печатей в договоре 944 г. нет никаких сообщений.

5. Одинаковый правовой статус русско-византийских договоров, о чем свидетельствуют исследования последних лет, предполагал и одинаковую по юридической значимости форму их утверждения. Летописные известия позволяют ставить этот вопрос. Правовой характер русско-византийских договоров не вызывает никаких сомнений у исследователей. Однако право это имеет определенный уровень, использование русскими печатей в качестве утвердительного средства в этот период кажется очень проблематичным. Подобная по-

становки вопроса не в коем случае не предполагает подчеркивания примитивности правосознания русских. Речь идет об определенной ступени развития и оформления правовых отношений. Думается, что русско-византийские договоры не могут дать оснований для заключения, что печать в правовой жизни древнерусского общества функционировала уже как утвердительное средство. В определенной степени она могла служить в качестве удостоверения личности. В торговле в фискальных мероприятиях в Древней Руси и в X в. могли пользоваться печати, осуществляя свою функцию запечатывания, закрытия, т.е. играли роль нормативного знака, пломбы (пример - находки в Новгороде цилиндров, несущих знаковые изображения и надписи, каждый из которых "служил биркой с обозначением принадлежности каких-то вещей или целых групп вещей и в то же время работал как замок"; ранние находки их датируются 70-ми гг. X в.). Эти функции характерны для начальной стадии развития института печати, когда она, так сказать, не выделилась еще окончательно из знаков собственности.

В.И.Ставиский

"Киевское княжение" в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.)

Исследование истории русских земель под властью Золотой Орды, борьбы их населения против иноземного ига за создание единого, политически независимого государства убеждает в том, что этот сложный процесс невозможно понять без уяснения роли в нем Киева, обладавшего богатейшей культурной традицией и политическим авторитетом в землях Восточной Европы, сохранившего статус кафедрального города обдерусских митрополитов, чрезвычайно дороживших единством своей епархии.

Установлено, что ордынские правители стремились всячески приукрасить значение Киева как политического и идеоло-

гического центра Руси с целью упрочения своего господства на русских землях. Арсенал использовавшихся ими для этого средств включал как прямые вооруженные акции (1257, 1299 гг.), так и дипломатию столкновения, проведение которой учитывало высокий общерусский политический статус Киева, делавший его объектом притязаний как русских князей, стремившихся проводить общерусскую (а значит, антиордынскую) политику, так и литовских, пытавшихся в своей объединительной политике опереться на древнерусское политическое наследие.

После окончания в 1242 г. завоевательных походов золотоординские ханы были заинтересованы в том, чтобы подчинить все русские земли, как завоеванные или, так и незавоеванные. Реализовывалась эта задача путем санкционирования Ордой "киевского" и "владимирокого" княжений, принятие которых означало вассальную зависимость от ордынских правителей. Во владельческом статусе между этими двумя "княжениями", как общерусскими политическими институтами, была существенная разница, коренившаяся в различных обстоятельствах приобретения верховных прав на них Ордой: Северо-Восточная Русь была завоевана общемонгольским войском, а потому считалась собственностью великого хана, а Киев и Южная Русь — войском Батия, а значит, он и его наследники становились сюзеренами этой части Руси. В условиях конфронтации с центральным правительством, стремясь распространить свою власть на всю Русскую землю, золотоординские ханы должны были заботиться о поддержании авторитета Киева как столицы Руси.

Передача "киевского княжения" в руки той или иной княжеской ветви являлась тем инструментом, с помощью которого Орда обостряла междукняжеские отношения, не допуская укрепления на Руси сильной княжеской власти, а также влияла на позицию русокой церкви и заинтересованного в ее единстве Константинополя. Используя каноническую обязанность "киевского" митрополита проживать при "киевском" князе и право последнего выдвигать собственного кандидата в

митрополиты, Орда передавала Киев и связанные с его обладанием права угодным ей князьям, тем самым умело сочетая сохранение общерусской митрополии с допущением в нужных случаях отпочкования ее отдельных частей.

Внутренняя феодальная война 1299-1300 гг. в Золотой Орде, завершившаяся гибелью хана Ногай от руки "русского воина", подорвала ее военно-политическое могущество, что вынудило хана Тохту активизировать политику сталквания. Подвергнув опустошению Киев во время похода на правобережье Днепра на "улус" Ногай, он убил его ставленника, киевского князя Владимира Ивановича, и вынудил бежать из Киева от "татарского насилья" митрополита Максима, также связанного с Ногаем. Между тем, Киев вместе с принадлежавшей ему территорией в Среднем Поднепровье перешел в сферу преобладающего политического влияния Галицко-Волынского княжества, что может быть объяснено передачей ханом Тохтой галицко-волынским князьям "киевского княжения".

Прямых известий об этом акте источники не содержат. И все же о приобретении Юрием I Львовичем общерусских прав, связанных с обладанием Киевом, на наш взгляд, может свидетельствовать принятие им в начале XIV в. титула "короля Руси", составление при его дворе около 1305 г. общерусского летописного свода и сначала осенью 1303 г. открытие "галицкой" митрополии, а после смерти в 1305 г. митрополита Максима, проживавшего с 1300 г. во Владимире, утверждение его кандидата Петра в качестве общерусского "киевского" митрополита. Эти факты не отражали реального положения галицко-волынских князей, которые в первой четверти XIV в. еще не обрели независимости от верховной власти Золотой Орды, по-прежнему выплачивая ежегодную дань, а, значит, все общерусские их претензии могут быть объяснены передачей им ордынскими ханами прав на "киевское княжение", возможно, за их активное участие в разгроме Ногай.

Несмотря на постепенное усиление ханской власти в первые два десятилетия XIV в., Орда не имела возможности осуществлять военное вмешательство во внутривполитические от-

ношения на Руси, идя на определенные уступки, что позволило галицко-волынским князьям проводить курс на ослабление зависимости их владений от Золотой Орды. Одним из средств сдерживания, которое должны были применить ордынские дипломаты, чтобы ослабить эту тенденцию, должно было стать лишение галицко-волынских князей общерусских прав путем передачи "киевского княжения" более лояльному по отношению к Орде князю. После визита в Орду в 1314-1315 гг. Михаила Тверского константинопольский патриарх признал его право на выдвижение кандидата в общерусские митрополиты, упорно оспаривавшееся с 1308 г., что, по нашему мнению, свидетельствует о приобретении тверским князем прав "киевского" князя.

Стабилизация положения в Орде позволила хану Узбеку перейти к прямому военному вмешательству на Руси, началом чего стало убийство в Орде в 1318 г. Михаила Тверского, обвиненного в каких-то переговорах с римской курией. В XIII в. Рим вел переговоры только с "киевскими" князьями (Даниилом Галицким, Михаилом Черниговским, Ярославом Суздальским, Александром Невским), т.е. теми, которые имели право общерусского представительства, что также свидетельствует в пользу нашего предположения о приобретении Михаилом Тверским "киевского княжения".

В 1323 г. ордынскими войсками было разгромлено Галицко-Волынское княжество и убиты князья Лев и Андрей Юрьевичи, гибель которых не привела к укреплению зависимости их земель от Золотой Орды, но вызвала усиление захватнических устремлений правящих кругов соседних феодальных государств и, в первую очередь, Литвы. Конец 1323 и весь 1324 г. — это время походов литовского князя Гедимины на Волынь и Киевщину. Весной-летом 1324 г. Гедимину удалось подчинить своей власти Киев, что, однако, не завершилось включением Киевщины в состав Великого княжества Литовского, но привело к заключению в конце 1324 г. компромиссного соглашения между Литвой и Ордой относительно Киева¹.

Характер заключенного соглашения передает летописный рассказ о нападении в 1331 г. сидевшего в Киеве князя Федора и ордынского баскака, собиравшего "выход", на новгородского архиепископа Василия. Он свидетельствует о совместном управлении Киевом представителями Орды и Литвы, при котором литовский князь не считался "киевским". Передача литовским князьям прав "киевского княжения" не входила в планы Орды, так как способствовала усилению их общерусских притязаний и антиордынской направленности их политики. Густинская летопись содержит известие о том, что одновременно с захватом Киева Гедимином "киевское княжение" получил московский князь, известный своей проордынской политикой, Иван Калита. По нашему мнению, эта статья, стоящая под 1305 г., передает реальный факт организации власти над Киевом по соглашению 1324 г.²

Исследователями отмечалась поспешность, с которой митрополит переехал из Владимира в Москву в 1325 г., и его стремление прочно там обосноваться, о чем свидетельствует заложение Успенского собора. Весьма показательно, что в 1327 г. патриархатом была закрыта галицкая, а в 1330 г. литовская митрополия, вновь открытые сразу после смерти Ивана Калиты, когда продолжавшееся проживание русских митрополитов в Москве, а не в своем кафедральном городе, Киеве, являлось причиной почти постоянного расчленения общерусской митрополии на протяжении XIV в. Статья о приобретении Иваном Калитой "киевского княжения" восходит к "Летописцу" 1389–1392 гг. митрополита Киприана, куда она попала, по нашему мнению, из киевской летописи 1385 г. Владимира Ольгердовича и где она читалась под 1324 г. Причиной ее перестановки в "Летописце" под 1305 г. явилось стремление Киприана объяснить проживание вне Киева митрополита Петра, на авторитет которого опирался Киприан в проведении своей программы восстановления целостности Русской земли и общерусской митрополии под руководством Московского княжения.

Примечания

- 1 Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. - К., 1887. - С. 31-32.
- 2 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. - М.; Л., 1950. - С. 344; Густинская летопись // ПСРЛ. - СПб., 1843. - Т. 2. - С. 348.

И.П.Старостина

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОЛЬСКАЯ РЕДАКЦИЯ "СКАЗАНИЯ" АЛЬБЕРТА ШЛИХТИНГА

Известия иностранцев представляют важный источник для изучения истории нашей страны, дополняя сведения русских памятников. В последние десятилетия увидели свет некоторые сочинения иностранцев по истории России XV-XVII вв. В современной исторической литературе выдвинута задача изучения и публикации сочинений иностранных авторов, о назревшей необходимости исследования информаторов из разных стран Европы писал В.Т.Пашуто¹.

"Сказание" Альберта Шлихтинга², повествующее о жестоких казнях и тиранстве Ивана IV периода опричнины, оценивается как тенденциозный источник, сообщающий тем не менее наряду с неверными и многие реальные факты. Описание Шлихтинга в немалой степени способствовало формированию представлений о личности "грозного" царя и в этом смысле продолжает сохранять свое значение до наших дней. Особую важность и интерес представляют сведения А.Шлихтинга о боярских заговорах и казнях и социальной психологии того периода. Рассказ о терроре Ивана Грозного, сообщенный бежавшим из русского плена уроженцем Померании, имел в условиях продолжавшейся русско-ливонской войны острое политическое звучание. Описание А.Шлихтинга, направленное из Польши в Ватикан, явилось по существу причиной срыва планов привлечения Русского государства к антитурецкой коалиции³.

Сказание А.Шлихтинга, используемое в исторической ли-

тературе⁴, недостаточно изучено как исторический источник⁵. Установлено, что "Сказание" А.Шлихтинга послужило источником раздела сочинения А. Гваньини "О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича"⁶. Сочинения А. Гваньини и А.Шлихтинга сопоставлены, указаны их сходство и различия⁷. Известное обвинение М.Стрыйковского А.Гваньини в плагиате находит поддержку у современных исследователей, хотя и признается не вполне доказанным из-за отсутствия рукописей⁸. Латинский текст и перевод на русский язык "Сказания" А.Шлихтинга напечатаны А.И.Малеиным по фотокопии рукописи из Ватиканского архива⁹. По свидетельству современников, "Сказание" А.Шлихтинга было составлено сначала на польском языке, а затем переведено на латынь¹⁰. Немецкий текст сочинения А.Шлихтинга, который хранился в Мюнхене, после II мировой войны не был найден¹¹. В литературе других сведений о рукописях "Сказания" А.Шлихтинга нет.

В рукописи на польском языке, которая хранится в настоящее время в Национальной Библиотеке в Варшаве под шифром 8088 (кодекс Ольшевский-Хоминьских), имеющей в своем составе ряд источников по литовской истории (I Литовский Статут 1529 г., летопись и др.) находится неатрибутированный рассказ о событиях в Русском государстве времен Ивана Грозного, написанный скорописью конца XVI в. под названием "Sprawa Wielkiego Kniazia Moskiewskiego. Roku 1571". Ознакомление с микрофильмом рукописи привело к заключению, что это неизвестная редакция сообщения А.Шлихтинга на польском языке¹².

Ольшевский список, как и "Сказание" А.Шлихтинга, содержит сведения, отсутствующие у А.Гваньини. Рассказ о казни Третьяка Висковатого и его жены, искаженно переданный у А.Гваньини, совпадает с латинским текстом "Сказания". Ольшевский список значительно отличается от А.Гваньини систематизацией материала.

В Ольшевском списке содержатся сюжеты, отсутствующие в латинском тексте А.Шлихтинга. Различия в систематизации

етах списков заключаются в перестановке раздела текста. В польском списке нет вступительной и заключительной частей "Сказания" А.Шлихтинга, нет и вступления и заключения А. Гваньини.

В Ольшевском списке более дробное членение текста (47 заголовков и выделенных более крупными буквами начальных слов), чем у А.Шлихтинга (5) и у Гваньини (24). Однако и здесь не все сообщения отмечены отдельными названиями. В основном за небольшими исключениями в Ольшевском списке они носят более нейтральный характер, в сравнении с заголовками латинского текста "Сказания" и Гваньини, не несут отрицательной оценки Ивана Грозного ("О наших пленных", "В день св. Якова"). Однако в некоторых из них проступают явная ирония и сарказм ("Шутки у него за обедом" в рассказе об убийстве Гвоздева, "О братской любви" о жестоком обращении Н.Оболенского-Прозоровского со своим братом, "Князь Московский необыкновенный толкователь онов" описывает случай, воспринимаемый на фоне других указов как анекдот, правда, тоже довольно мрачный). Заголовки А.Гваньини пространнее, чем в Ольшевском списке, в отдельных случаях между ними прослеживается связь.

Ольшевский список тематически более полон, поскольку он содержит все сюжеты, которые отсутствуют у Гваньини в сравнении с латинским текстом А.Шлихтинга, а также все отсутствующие известия в "Сказании" сравнительно с Гваньини. В польском списке нет лишь вступления и заключения. Прослеживается текстологическая зависимость латинского текста от Ольшевского списка или его протографа, хотя он в основном не является его дословным переводом. Ольшевский список отличается также и от рассказа А.Гваньини, сообщая иногда совпадающие, иногда различные чтения в сравнении с двумя указанными выше сочинениями. В целом Ольшевский список ближе стоит к списку А.Шлихтинга. Например, при описании расправы над начальником пушкарей Василием Дмитриевичем в польском списке верно, как у Гваньини, названо имя (в "Сказании" Дмитрий Васильевич, хотя ниже в тексте он та-

же назван Василием). В Ольшевском списке, как у Гваньини, указано, что великий князь приказал привезти Василия Дмитриевича в Вологду (в "Сказании" глухо, "зовет к себе"). В отличие от Гваньини, оба списка говорят о признании своей вины невиновным Василием Дмитриевичем, не выдержавшим пыток. Только польский список говорит о пытках беглецов, ложно обвинивших Василия Дмитриевича. По "Сказанию" и Гваньини, их допросили.

В Ольшевском списке содержатся и другие новые сведения. В нем говорится, что А.Вяземский был отправлен в Москву после разгрома Новгорода, сообщается, что Иван Грозный называл своего любимца "Мой Офон" (*mon effon*), указано, что А.Вяземский отговорил И.Грозного от казни пленных в Москве после взятия Изборска. В рассказе о казни Владимира Морозова только в нем названо имя слуги князя А.Курбского - Василия Шибанова, которого из оострадания велел похоронить Морозов. В рассказе о казнях пленных в 1570 г. приведено название слободы, где жили иностранцы "Налевки". Здесь же более подробно, чем у А.Гваньини, описано пропущенное в "Сказании" погребение казенных при кладбище в Наливках. В частности указано, что деньги немецким "пушкарям", которые по его просьбе занимались погребением, дал Войтех Шлихтинг, очень жалевший "свою убогую братию пленных". Есть и другие подробности.

При описании казней 25 июля 1570 г. более подробно, чем в "Сказании", и с некоторыми отличиями от Гваньини описана казнь И.М.Висковатого, названа, как у Гваньини, его фамилия, указано, что он был печатник. Более верно, чем в "Сказании", приведена фамилия подьячего Ивана Ревутова, участвовавшего в казни Висковатого (которую не назвал Гваньини) - Ревут, а не Ревут. При описании казни Н.Фуникова отмечено, что в ней, кроме Малюты Скуратова, участвовал "конюший Булат". В отличие от "Сказания" и А.Гваньини верно указано имя Фуникова - Никита, а не Николай. В сообщении о расправе с семьями Фуникова и Висковатого также содержится ряд дополнительных подробностей. Новые сведения

ним не иочершиваются вышеприведенными примерами.

В Ольшевском списке более последовательно, чем в оказании, уистреблены термины "опричник" (у Гваньини этого термина нет), имеются термины "опричина", "бояре", "дети боярские", "земство" и др.

Польский текст художественно выразителен. Р нем оодержится много ярких сравнений, образных оборотов, частично имеющихи в латинском тексте, например, при оопоставлении Ивана Грозного с польским королем: "Но как солнце отличается от луны (в польском тексте "месяца"), так добродетель и милость нашего короля от тирании князя Моковии". Очень выразителен рассказ о казни Ростовского князя, который облихается о преданием. Предсмертные слова князя: "Не коням ту воду пить, а моей голове ту воду пить, да не выпить" переключаются со словами Ивана Грозного, обращенными к принесенной ему отрубленной голове князя, которые имеют вид стиха. Ирония, сарказм ("оночек его милый" в обличительном рассказе о старшем сыне Ивана Грозного), гнев, сочувствие (Иван Грозный "облапивши ходил рядил" с уже опальным А.Вяземским, которого автор называет "Мой милый князь Вяземский") пронизывают весь рассказ. В нем без перевода приведена цитата из Ювенала и некоторые др. латинские выражения, а также немецкое слово. В Ольшевоком описке много прямой речи, при этом часто приводятся русские слова и выражения, а также польские обороты речи, близкие к русским ("служил верой и правдой", "мне до вас дела нет", "шкоду немало починили господарю в лодах и в земи", "встан, а суди хлян на мене", "Иван, Иван, посабляй" и мн. др. Особенно часто эти обороты встречаются в описании казней 1570 г., что усиливает рассказ как свидетельство очевидца и увеличивает эмоциональное воздействие. При описании жителей Польши и Литвы часто употребляется меотоямение "наши", не раз упоминается польское посольство 1569-70 г., прибывшее в Москву для заключения перемирия. Текст не вполне отредактирован (имеются повторы, повествование от первого лица и т.п.).

По наблюдениям Ю.Радзишевской, М.Стрийковский в своем произведении "O rozszatkach..." мог использовать летопись из Ольшевского кодекса. Владельческие записи на рукописи также не противоречат тому, что она могла быть в руках Стрийковского. Художественные особенности Ольшевского списка, его дальнейшая литературная судьба, некоторые другие особенности, не отмеченные здесь, делают вероятным предположение, что литературная запись на польском языке или обработка сообщения А.Шлихтинга могла быть сделана М. Стрийковским, впоследствии переработавшим его в отдельное сочинение "O тирании... нынешнего Великого князя Московского" на латинском языке. О нем он впоследствии написал, что оно было с большим трудом подготовлено в Витебске и вместе с некоторыми другими его произведениями пропало. Можно думать, что существует связь между словами из первого послания А.Курбского Ивану Грозному и записью, помещенной на другой странице после окончания текста польского перевода рядом с сентенцией о городе "на семи горах" о находке "в одном гробу". Представляется актуальной публикация Ольшевского списка и его дальнейшее исследование путем сопоставления с русскими и иностранными источниками, рассматриваемыми в широком историческом контексте.

Примечания

1. Пашуто В.Т. Итоги и проблемы изучения внешней политики Русского государства с древнейших времен до начала XVI в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981, с. 64-65.
2. Новое известие о России времени Ивана Грозного. "Сказание" Альберта Шлихтинга. Л., 1935, изд. 4-е.
3. Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2, вып. 2, с. 249-252.
4. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1969; Зимин А.А., Хороскевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982; Скрипников Р.Т. Начало опричнины. Л., 1965; он же. Опричный террор. Л., 1969; он же.

- Иван Грозный. М., 1975; Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984 и др..
- 5 Весаловский С.Б. Указ. соч., с. 72-76; Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel des ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Frankfurt/M., 1972, s. 55-57.
 - 6 Gwagnini A. Sarmatiae Europaeae descriptio. Kraków, 1578, Благодарю А.Л.Хорошкевич за ценные советы, а также за предоставленную возможность ознакомиться с машинописным текстом комментированного перевода с латиноского на русский язык сочинения А.Гваньини "Описания Московии", сделанного Г.Г.Козловой.
 - 7 Россия и Италия, с. 253-255; Новое известие о России времени Ивана Грозного, с. 87-92.
 - 8 Budka W. Gwagnini A. //Polski słownik biograficzny. IX/2, т. 41, Wrocław-Warazawa-Kraków, 1961, с. 202-204; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, с. 24.
 - 9 Новое известие о России времени Ивана Грозного. Неизвестно, этот ли список имел в виду П.Лирлинг, поскольку его объем не совпадает с напечатанным списком. Там же, с. 4. По сообщению А.Кашелера латинский текст также воспроизведен в неопубликованной диссертации Prokash a. Chr. Die Aufzeichnungen Albert Schlichtings über Ivan Grozny als historische Quelle. Erlangen, 1952, In: Kappeler A. Op. cit., s. 55.
 - 10 Kappeler A. Op. cit., s. 56-57.
 - 11 Ibid., s. 57.
 - 12 Благодарю С.А.Лазутку и Н.И.Шавелеву, любезно предоставивших микрофильм рукописи "Эргаву..."
 - 13 Radziszewska J., op. cit., s. 84.
 - 14 Лазутка С., Гудавичюс Э. Первый Литовский статут. Вильнюс, 1983, с. 136-139, 141.

РУССКО-НОРВЕЖСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XII-XIV вв. И РАССКАЗ О ВАЛИТЕ

I. Рассказ с карельском "владетеле" Валите, который победоносно воевал с Норвегией и присоединил "Лопскую землю" к владениям Новгорода, ввел в научный оборот Н.М.Карамзин, поместив в прим. 56 XI тома "Истории государства Российского" обширные из него извлечения. Исследователь отметил, что "сие предание узнали от лапландских старожилов в 1592 г. кн. Звенигородский и Васильчиков", вместе с тем указав, что рассказ обнаружен им "в бумагах посланника Ржевского", ездившего в Данию в 1601 г. Поскольку в сохранившихся фрагментах архивных дел и посольств 1592 г. и 1601 г. подобного рассказа не сохранилось, исследователи пользовались публикацией Н.М.Карамзина.

В настоящее время удалось обнаружить полный текст рассказа о Валите в подборке материалов, составленной в 1614 г. в связи с русско-датскими переговорами о Лапландии (Центральный государственный архив древних актов в Москве, ф. 53, Сношения России с Данией. 1614 г. № I). Рассказ озаглавлен: "Опросные речи данщиков и которые люди/ з данщии в Лопи езживали и всяких людей старожилов, которые сказались Лопской земли знатцы и про рубежи им ведомо, оказывали послом князю Семену Звенигородскому о товарищи". Следовательно, перед нами запись опросов населения, проведенная посольством во главе с кн. С.Звенигородским. Поскольку, посольство было отправлено на съезд с датчанами о Лапландии в 1592 г., то и запись рассказа о Валите следует датировать примерно этим временем.

2. Ограниченное и осторожное обращение исследователей с рассказом о Валите связано с тем, что неясно, к какому времени следует относить описанные в нем события. Уточнить хронологию позволяет место рассказа, где говорится, что Валит был похоронен "в Кореле, на посаде в церкви

Преображенья Спасова". Ясно, что имеется ввиду захоронение на Спасском острове, где находился посад оредневековой Корелы (ныне г. Приозерск). Так как по данным археологических исследований г. Корела был основан на этом месте лишь в начале XIV в., то ясно, что деятельность Валинта не может относиться ко времени ранее этого столетия. Не может быть отнесена война Валинта, как лица, поставленного правителем Корелы новгородскими посадниками, о норвежцах из-за Лапландии и ко второй половине XIV — первой половине XV в. В это время Корела постоянно находилась под управлением служилых князей, а не местных корельских феодалов, а пограничные с Норвегией земли являлись частью Заволочья, и их защиту от нападений норвежских феодалов осуществляли двинские бояре. Все это позволяет отождествить войну Валинта с норвежцами с военными действиями первой четверти XIV в., в которых, по свидетельствам "Исландских анналов" активную роль играли карелы. Это позволяет отождествить Валинта предания о "Валинтом корельянином", который по данным Софийской I летописи сидел в 1337 г. воеводой в Корельском городке.

3. Полный текст рассказа о Валинте дает ответ на вопрос, зачем русские послы записывали предания о его деятельности. Русское население пограничья связывало с действиями Валинта установление государственной границы между владениями Новгорода и Норвегии, а сведения о времени установления границы и ее конкретных очертаниях были необходимы русским дипломатам для переговоров с датским правительством, во второй половине XVI в. выступавшим о притязаниях на обладание всей "Лопской землей".

Поскольку войну Валинта с норвежцами есть основание отождествлять с той войной, которая завершилась новгородско-норвежским договором 1326 г., то сообщение предания об установлении границы по соглашению между Валинтом и норвежцами, подкрепляет доводы тех исследователей, которые связывают именно с договором 1326 г. установление первой государственной границы между Новгородом и Норвегией. Со-

державные в указанном архивном деле (и в рассказе о Валите и в других опросах 70-х – 80-х гг. XVI в.) данные опросов местного населения о конкретных очертаниях установленной при Валите границы, как представляется, при соответствующей критической проверке могут быть привлечены при установлении северо-западных границ Новгородской феодальной республики в XIV–XV вв.

А.В.Фомин

РУСЬ И ХАЗАРИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ МОНЕТНЫМ СЕРЕБРОМ В IX в.

Арабские серебряные монеты – дирхемы принадлежали к числу важнейших статей ввоза в страны Восточной и Северной Европы в IX–X вв. В их экспорте и распространении принимали равное участие многие европейские народы. В течение длительного времени Хазария и Древняя Русь претендовали на исключительную роль в международной торговле благодаря своему выгодному положению и боролись за первенство.

Картографирование находок отдельных восточных монет и кладов является наиболее излюбленным методом изучения путей и направлений распространения серебра. В работах Х.Френа и П.С.Савельева были сделаны первые попытки привлечения данных топографии находок. В к. XIX в. А.И.Черепнин поставил перед наукой задачу связать особенности состава кладов разных периодов с особенностями их топографии для того, чтобы решить вопрос о характере использования дирхемов в хозяйстве Древней Руси (1899 г., с. 215). В нач. 1930-х гг. Р.Р.Фасмер сумел выделить 4 хронологических периода обращения дирхемов в Восточной Европе и предполагал в дальнейшем изучить их топографию. В 1956 г. В.Д. Янин осуществил на практике эту идею и положил ее в основу исследования формирования древнерусской денежно-весовой системы.

Он выяснил, что на первом этапе обращения дирхемов (к. УШ – 833 г.) клады зарывались на широкой территории лесной и лесостепной зоны. Во 2-ом периоде (833 г. – нач X в.) ареал монетного обращения сокращается за счет выпадения из него областей Подесенья и Поднепровья. Увеличение потребности в монете приводит к ее оседанию в ближайших к Болге районах. Движение серебра на верхний Днепр прекратилось, а в сторону Киева из Булгара приобрело местный характер, вследствие чего области среднего Днепра выпали из обращения дирхемов. По мнению исследователя, основными воротами торговли Руси с Востоком с к. УШ в. был Булгар. Крайняя малочисленность находок на территории Хазарского каганата свидетельствует о его незначительной роли в распространении серебра (1956 г., с. 101–106). Наличие территориальной лакуны в топографии еще раз привлекло к себе внимание спустя 20 лет. В.В.Кропоткин попытался сузить ее границы за счет новых находок из междуречья Двины и Днепра, хотя фонд среднеднепровских кладов так и не дополнился. Основываясь на той же периодизации и располагая практически тем же объемом информации, что и раньше, В.В.Кропоткин наоборот считает, что хазарский путь существовал (1978 г., с. 112–116).

При внимательном изучении топографии кладов с дирхемами IX в. можно будет обнаружить не одну такую лакуну, не уступающую размерами днепровской. Так, недавно А.Е.Леонтьев обратил внимание на отсутствие кладов и других импортов на семисоткилометровом отрезке пути от устья Камы до Нижнего течения Оки и до Ярославского Поволжья. (1986 г., с. 5). Согласно его мнению, монетное серебро поступало на Русь через Дон и Северский Донец, далее с Оки на Десну, затем на Днепр и в Поволжье. В Ярославское Поволжье дирхемы поступали не через центральное Поволжье, а из Северной Руси. (с. 7–8). Для того, чтобы снять противоречие, вызванное наличием лакуны во 2-ом периоде, автор документировал свои построения объединенной топографией всех кладов IX в. В результате А.Е.Леонтьев пришел к

выводу об отсутствии прямого торгового пути по Волге на Балтику в IX в.

Противоречивость и даже взаимоисключаемость приведенных выше точек зрения по вопросам торговых путей и участия в международном обмене разных обществ объясняется неодинаковым восприятием исследователями топографии монетных находок. Причина разногласий заключается в отсутствии до последнего времени аргументированных критериев оценки информации, получаемой от нумизматических источников, основанной на знании закономерностей их формирования. Обнаружив такие закономерности и объяснив причину их происхождения, можно было бы с большей долей уверенности привлекать материалы кладов, не ограничиваясь простой констатацией фактов их наличия или отсутствия. Таким образом, вопрос об источниковедческом осмыслении нумизматических памятников является сейчас весьма актуальным.

Клады с дирхемами IX-X вв. распределяются во времени крайне неравномерно. Выделяются периоды массового захоронения кладов и время, когда кладов практически не закрывались. Неравномерность хронологии находок объясняется колебаниями ввоза монетного серебра в Европу, изменявшегося в зависимости от интенсивности чеканки монеты в халифате. Мощные денежные эллисы наводняли рынки монетой и благоприятствовали частому отложению денег в клады.

В географии распространения монетного потока через территорию Восточной Европы выделяется ряд районов со сходными экономико-географическими условиями. Они могли быть узловыми участками на стыке торговых путей, крайними пунктами распределения серебра, или, наоборот, прямыми отрезками магистралей, удобные для быстрой транспортировки грузов.

Мне представляется, что для выяснения причин скопления кладов в одних местах, их полного отсутствия или исчезновения в других, нужно установить взаимосвязь между динамикой поступления монеты и локальными условиями

ее экспорта и местного хождения.

Установлено, что такие отрезки торговых путей как: Нижне- и Средневолокский, Донской, Донецкий, удобные для быстрого продвижения, содержат немного кладов, а районы, занимавшие положение, объективно замедлявшее движение торговых караванов, богаты на находки. Незамысловиты и другие наблюдения. В момент первого массового притока серебра в 780-е гг. основная его часть оседает в Закавказье и только один клад выпадает на крайнем севере — Ладоге. В 800-е гг. клады появляются на Сев. Кавказе, Нижнем Дону и в Поволховье. Во время второй волны серебра, поступившей в 810-е гг., зона выпадения кладов смещается в центр Восточной Европы. В 820-е гг. клады вновь исчезают из крайних южных и северных областей распространения дирхемов. Следовательно, степень насыщения района находками не всегда прямо пропорциональна его участию в торговле и обращении монет. При значительном увеличении ввоза серебра и быстром его перемещении клады выпадают реже или вновь исчезают. Численность находок велика там, где монетный поток замедляет движение, где создаются условия для его расщепления в округе.

До конца 820-х гг. клады регулярно выпадали в южной части Днепровского пути. В 830-е гг. численность южных находок резко сокращается, вместо этого увеличивается количество кладов в междуречье Двины и Днепра. В 860-70-е гг. клады появляются в Нижнем Подвинье и на Ловати. Выпадение из зоны отложения кладов Среднего Поднепровья, участка пути, удобного для быстрого движения, хорошо согласуется с аналогичными явлениями, наблюдавшимися на других сходных участках в разное время. Надо думать, что образовавшаяся лакуна возникла в результате увеличения скорости перемещения монетного потока благодаря каким-то изменениям, имевшим место в экспорте восточного серебра. Из двух известных сейчас кладов с хазарскими монетами, второй, самый крупный, найден на переходе из Днепра на Двину. В его составе была обнаружена редкая монета датского вика Хайт-

хака I четв. IX в.

Наиболее яркие события истории Восточной Европы I пол. IX в. приходится на 30–40-е гг. Среди них сообщение о строительстве византийцами Саркала для хазар. В 838 г. в каганате отчеканили серию памятных монет с указанием места выпуска "Ард ал-Хазар". Под 839 г. Бертинские анналы рассказывали о посольстве от хакана рус. Факт упоминания посольства справедливо связывают с обретением политической самостоятельности киевской Руси и выходом ее на международную сцену в качестве новой силы (Новосельцев А.П., 1987, с. 32–33).

Нумизматика существенно дополняет наши знания о событиях того времени. Днепровская Русь заявила о себе не только политически, но и экономическим путем. В 830-е гг. была организована широкая торговля арабским серебром через Поднепровье с Прибалтикой, а к 860-м гг. удалось наладить связи с районом Ильмена и Волхова. Таким образом была заложена экономическая основа дальнейшего политического объединения Руси вдоль великого торгового пути. Хазария не только признала высокий титул русского князя, она согласилась на торговое партнерство. Возможно, что строительство Саркала было предпринято для защиты Донского и Донецкого путей от северных соседей.

Л.С.Чекин

ПЕРЕВОДЧИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В XIII в. (МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА)

I. В исторической науке и источниковедении вопрос об устном переводе специально не рассматривался. Он изредка встает при необходимости прокомментировать конкретное место в том или ином источнике, где упоминаются переводчики. Невозможность привести исторические аналогии делает такие комментарии не вполне удовлетворительными (ср. дискуссии о "толковинах" Повести временных лет). В структуре науки

о переводе отводится место и истории перевода, но практически существуют исследования лишь одного из ее аспектов – истории перевода и адаптации литературных текстов. История устного перевода в настоящее время представлена только сочинениями мемуарного характера. Вместе с тем, наметившийся в переводоведении подход к устному переводу как к одному из видов социального поведения (В.Д.Уваров, А.В.Садиков, Т.В.Воеводина) открывает хорошие возможности взаимодействия между переводоведением и историей, актуального для обеих наук. История устного перевода может найти свое место в общей истории международного общения, куда входят в большей или меньшей степени разработанные проблемы языков-посредников, контактных жаргонов, изучения иностранных языков и т.п.

2. Устный перевод – одно из древнейших занятий человека. О переводчиках упоминает Геродот, в том числе об их целенаправленной подготовке по инициативе египетского и мидийского царей. Совокупность разнохарактерных исторических источников дает немало сведений о переводчиках, сопровождавших Юлия Цезаря в военных походах, образовавших профессиональную группу в Боспорском царстве, помогавших княгине Ольге в Византии.

3. На фоне обычно скудных упоминаний выделяется цельная картина переводческой деятельности в Монгольской империи, содержащаяся в отчетах западноевропейских дипломатов и миссионеров XIII в. – Плано Карпини, Симона Сен-Кантенского, в особенности – Гильома Рубрука. Дворы как великого хана, так и других монгольских правителей были постоянно обеспечены переводчиками нескольких языков, чему, конечно, способствовал интернациональный характер монгольских поселений. Для сравнения отметим вслед за Роджером Бэконом, что французский король Лодовик IX подчас не находил человека, знающего по-арабски или по-гречески. Переводом у монголов занимались определенные лица, известные именно как толмачи: происходила профессионализация переводческой деятельности. Источники называют некоторые

обстоятельства, оказывавшие влияние на качество перевода. В некоторых случаях перевод осуществлялся через третий и даже четвертый языки (как дипломатических документов, так и устный). Такой метод находит ограниченное применение в современной переводческой практике, но был распространен в древности и средневековье. Большое количество языков и толмачей, необходимое для общения с далеким экзотическим народом – мотив одного из средневековых монгольских сказаний, находящий параллель в скифском рассказе Геродота. Более существенным фактором, препятствовавшим взаимопониманию, являлась установка толмачей переводить лишь то, что хотелось слышать монголам. По справедливому предположению Р.Хеннига, отметившего такую установку как в работе постоянного переводчика Гильма Рубрука – Тургемана, – так и в переводе грамоты папы римского великому хану, ее в какой-то мере оправдывают культурные различия между европейцами и монголами. Иногда буквальный перевод невозможно было осуществить попросту из-за отсутствия соответствующих средств выражения в монгольском языке. Опыт путешественников в Монголию привлек внимание европейцев к проблемам перевода и межнационального общения. Он, в частности, вдохновил Роджера Бэкона на проповедь о пользе многоязычия.

4. Международные отношения в средние века, как и в любую эпоху, осуществлялись людьми – представителями народов. Из "монгольских" материалов западноевропейской литературы видно, что взаимопонимание между этими людьми может зависеть от установок и методов переводчиков. Таким образом, переводчики играли не всегда заметную, но существенную роль в истории международных отношений.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВА

В XIII в.

(ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ)

1. Во внешней политике Новгородского государства в XIII в. прослеживаются 4 основных направления — отношения с Прибалтикой (эстонские и северо-латвийские земли), Финляндией, землей саамов и с Литвой.

2. До второго десятилетия XIII в. Новгород занимал господствующее положение на берегах Финского залива; под властью Новгорода к югу от залива находилась восточная Эстония, Водская и Ижорская земли, к северу от залива — земли племен эми (Таваотланд) и карел.

3. В начале XIII в. в Прибалтике разворачивается немецкое завоевание земель ливов, латышей, эстов; в Финляндии в 20-е — 40-е гг. XIII в. идет вытеснение новгородской власти, а затем и завоевание земли эми.

4. Новгород в 1210-е — 1250-е гг. боролся против наступления немецких и шведских рыцарей, но был вынужден отступить, утратив господствующее положение на берегах Финского залива.

5. В 1240—1242 гг. Новгород успешно отбил шведско-немецкое наступление на берегу Невы и на Чудском озере, отстояв свою независимость и свой выход к морю.

6. На крайнем северо-западе Новгородское государство к середине XIII в. добилося подчинения огромных пространств саамской тундры до берегов Ледовитого океана и после столкновений с норвежцами установило совместное с Норвегией взимание дани с населения области Финмаркен (к западу от Колского полуострова до реки Ивгей).

7. В конце XIII в. новгородские владения подверглись новой волне шведской агрессии, и Новгороду пришлось бороться за сохранение Карельского перешейка и берегов Невы.

8. В течение всего XIII в. Новгород был вынужден защи-

щать свои владения от частых нападений Литвы, не добившейся территориальных успехов.

9. XIII в. для Новгорода — век постоянной упорной борьбы с соседними агрессивными силами, борьбы за сохранение своей исконной территории и подвластных нерусских земель.

Н.И.Щавелева

РУССКИЕ КНЯГИНИ В ПОЛЬШЕ

Деятельность русских княгинь в Польше оставляет небольшой след в масштабном полотне, запечатлевшем внешнеполитические контакты Руси со странами Европы. Известно, что после монгольского нашествия резко сократились браки русских с иностранцами. Поэтому роль русских женщин в политической жизни европейских государств с XI до середины XIII вв. заслуживает тщательного исследования, являясь показателем могущества и значимости Древней Руси для окружающих ее стран.

Матримониальные союзы дочерей и сестер Рюриковичей с представителями польской династии Пястов отражали определенные этапы в дипломатической истории Польши и Руси. Каждый брачный договор был залогом мира и взаимопомощи обеих сторон, чему подтверждением служат часто повторяющиеся у хронистов рассуждения о длительных спорах и представительных совещаниях по поводу выбора княжеской невесты. В XI — середине XII вв. русско-польские браки крепili союзы держав, в дальнейшем — обуславливали связи отдельных земель¹. К началу XIII в. они определенным образом отражали конфессиональные устремления государственных деятелей, находившихся под влиянием нищенствующих орденов, в свою очередь осуществлявших восточную политику папства.

Женитьба Казимира Восстановителя на кровной родственнице просвещенного киевского князя Ярослава Мудрого Марии Добронеге в 1039 г. явилась для Польши дипломатиче-

ской акцией первостепенной важности. Значение ее было понятно как немецкому анналисту Саксону, так польским и русским летописцам². Галл отмечал богатое приданое, полученное за русской невестой. Длугош писал об "обогащении королевства благодаря такому блестящему браку и укреплении его добрососедства"³. Славу о королеве Добронеге сохранили некрологи.

После смерти мужа русская княгиня вместе с сыновьями вершила государственные дела. Когда в 70-х гг. XI в. король Венгрии с братьями бежал в Польшу, снабжала его всем необходимым для жизни и принимала "мать правящего короля Болеслава Щедрого, вдова Казимира королева Добронега вместе с младшим сыном". Немного данных сохранилось о религиозной деятельности польской королевы, более 40 лет проведенной в Польше. Лишь запись Длугоша об обращении Добронеги, "возненавидевшей греческий обряд", в католичество помогает воссоздать атмосферу неприязни к схизме, царившую в Польше⁴.

Перекрестившись в латинскую веру, русские княгини становились примерными католичками. Типична судьба (1117 г.) жены знаменитого палатина Петра Властовича Марии Святополковны. На долю ее выпало немало испытаний и, поистине, княжеских почестей. Будучи родной сестрой жены правящего князя Болеслава Кривоустого Сбыславы, Мария после ее смерти взяла на себя воспитание княжеского первенца Владислава Изгнанника. Можно полагать, что в семье силезского магната поддерживались честолюбивые амбиции будущего князя, до конца дней надеявшегося стать единовластным держателем государства. Когда Властович попал в опалу и бежал на Русь, Мария разделила с ним участь отверженного, а по возвращении в Польшу вместе с ним принялась "замаливать грехи", участвуя в грандиозной деятельности по основанию множества монастырей и костелов. Петр Властович и Мария оставили заметный след в польской архитектуре. Их считают создателями польской романской культуры XII в. Связи с Русью, которыми благодаря жене силезский вельможа пользо-

вался очень широко, были настолько прочными, что последователи донные колеблются, не был ли Петр русским⁵.

Мены синовой Болеслава Кривоустого крепили связи Великой Польши с разными уделами Древней Руси. Верхуслава Всеволодовна оставила родной Новгород, вступив в брак с князем Болеславом Кудрявым, усилив тем самым союз своего брата Владимира с сестрой мужа Риксой. Дочь великого киевского князя Изяслава Евдокия стала второй женой великопольского Мешко Старого, дав надежду ему на помощь Киева в притязаниях на сенъориальную власть.

Пространные отзывы хронистов получила серьезная политическая деятельность двух русских княгинь: дочери лужичского князя Ингвара Гремиславы, и внучки князя Игоря Агафьи, прибывших в Польшу в начале XIII в. в качестве жен двух братьев, краковского Лешка Белого и Мазовецкого Конрада. Велика их роль в конфессиональной истории двух стран. Сказалось огромное влияние нищенствующих Орденов. Внушения миноритов и проповедников, их призывы к объединению церквей отразились на действиях княгинь в отношении прежней родины⁶.

Гремислава, с 1227 г. оставшись с полуторогодовым сыном, приняла на себя основную тяжесть борьбы за Краков и, следовательно, за влияние на соседние русские земли. Известно изображение ее на троне с королевской короной на голове. Долгое время на государственных документах Польши фигурировала ее печать. Обладая незаурядным дипломатическим талантом, русская княгиня влияла на расстановку политических сил в Польше, определяла и исправляла решения сына Болеслава Стыдливого. Нельзя согласиться с мнением о нарушении Гремиславой традиций в отношении Руси. Стремление княгини породниться с венгерским королем Белой, дочь которого стала женой Болеслава Стыдливого, объясняется не только необходимостью укрепить позиции сына в Малой Польше, но и предупредить захват Галицкой Руси венграми. Немало тому способствовала и ее дочь, Саломея, обрученная с венгерским королевичем Кальманом, в

1215 г. получившим титул короля Галича.

Отчетливо проявилось пристрастие княгини к Ордену францисканцев. В 1245 г. ее дочь Саломея после смерти Кальмана вступила в Орден св. Клары, последовательницы св. Франциска. Возможно, не без участия Гремиславы ее невестка, жена Болеслава Стыдливого, Кинга, в 1247 г. отдала себя под защиту францисканского Ордена. Сама Гремислава была основательницей монастыря св. Клары в Завихосте. Также благодаря ее помощи в Киев проникли доминиканцы, организовавшие там орденский дом.

Несмотря на крайне отрицательные отзывы польских историографов об Агафье Святославне, жене Мазовецкого князя, приписывавших ей приглашение крестоносцев на Хельминскую землю и жестокое отношение к польским священнослужителям, можно в их свидетельствах уловить действительные причины решений русской княгини, преданной католицизму. Именно по совету доминиканских братьев оставленная в городе без поддержки мужа Агафья пригласила тевтонцев, дабы уберечь мазовецкую землю от нападения неверных пруссов⁷.

Имеется изображение семьи Конрада на золотом кубке Плоцкой кафедры. Есть данные о пожалованиях Агафьи костелам и монастырям. Нет сомнения, что доля участия ее в государственных делах была немалой. Достаточно сведений об ее присутствии на съездах 1239–1241 гг., на которых решались спорные вопросы и возникавшие конфликты между Конрадом и его сыном Казимиром, а также силезским Генрихом Благочестивым. Со стороны Агафьи традиционные связи с Русью были продолжены. Время правления Конрада характеризуется стабильными русско-польскими отношениями. Старший его сын Болеслав в 1247 г. женился на дочери Александра Белзского, а младший Земовит в 1248 г. – на дочери Даниила Галицкого Переяславе⁸. Взаимовыгодные долгосрочные контакты были обеспечены.

В трудные годы монголо-татарского нашествия Даниил Галицкий имел поддержку в Мазовии, а в 1253 г. этот мазовецк

Иннокентия IV о латинизации русской церкви. В ответ на обещание помощи против татар Даниил принял от папы королевский венец, поддавшись уговорам матери, своего зятя Земовита и краковского князя Болеслава Стыдливового⁹. На время обзались члания римской курии, отренившейся к унии православия и католичества. Этому в определенной мере способствовали русские католички, жены польских князей.

Деятельность русских княгинь в Польше развивалась в трех направлениях: участие в государственной политике, проводимой мужем или продолжение ее, благотворительные пожалования в пользу католической церкви и пособничество орденскому духовенству (с конца XII в.), наконец, дипломатические акции, направленные на оближение Польши с Русью.

Примечания

1. Пацуто В.Т. Опыт периодизации истории русокой дипломатии (ранний и развитой феодализм). // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984, с. 14-15.
- 2 "Беликая Хроника" о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987, с. 70, 211.
- 3 Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae, t.III, Varsoviae, 1970, p.37.
- 4 Ibidem, p. 37, 105, 380.
- 5 Gatwiński M. Piotr Włostowic ocy Piotr Rusin, "Bobótka", t.29, 1974, s. 429-443,
- 6 Szyszakowa A. Księżniczki ruskie w Polsce XIII w. - Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego, Ser. I, z. 29, 1978, s. 26.
- 7 Petri de Dusburg Cronica terrae Prussiae. - GEP. Leipzig, 1861, T. I, p. 36.
- 8 "Беликая хроника", р. 241.
- 9 ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 777-778, 827.

"ЗАКОН РУССКИЙ" ДОГОВОРОВ РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ И "ПРАВДА РУССКАЯ"

В современной науке установлено, что правовые нормы, зафиксированные в Русской Правде, принадлежат не только к XI в., когда был оформлен текст Краткой редакции, но и к более раннему времени, к VIII-IX вв. (Б.Д.Греков). Одно из овидетельств того, что эти нормы существовали и были записаны уже в первой половине X в., это договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. В них содержатся установления о кровной мести, о наказании за избиение, о праве убить грабителя на месте преступления и др., известные по Русской Правде. Мало того, в договорах есть ссылка на "Закон русский", как один из источников права, что несомненно указывает на то, что древнерусское право было включено в договоры, став составной частью международного права (В.Т.Пашуто, А.Н.Сахаров).

Что касается самого упоминания "Закона русского", то исследователи склоняются видеть в этом названии систему права (С.В.Юшков) или правовой кодекс - комплекс юридических норм (Л.В.Черепнин), предшествующие "Правде русской". Действительно, есть все основания считать, что такая совокупность норм, была ли она устной, то есть пользовавшейся широким распространением, или письменной, то есть доступной только грамотному населению, существовала на Руси до принятия христианства, еще в начале X в. и ранее. Но был ли это другой комплекс норм, а не тот, который мы знаем под названием "Правды русской"?

Можно обосновать предположение, что "Закон русский" договоров с Византией это и есть "Правда русская" русских рукописей XIII-XV вв. Исследователи, занимавшиеся лингвистическим анализом договоров 911 и 944 гг., считали, что есть основания видеть в их текстах, сохранившихся в составе Повести временных лет, перевод с греческих экземпляров (Н.А.

Давровский, А.А. Шахматов, Д.С. Дихачев), сделанный на литературный древнерусский язык, включивший много церковнославянских и болгарских элементов (С.П. Обнорский). Если это так, то слово "закон" должно быть переводом греческого "νόμος", "νόμος δικαστικός", как скорее всего назывался этот комплекс древнерусских правовых норм в греческих экземплярах договоров. А на греческий язык название "Правда русская" может быть переведено только как "νόμος δικαστικός".

Таким образом, термины договоров могут свидетельствовать о существовании в X в. на Руси не какого-то особого "Закона русского", а той же "Правды русской", которая сохранилась в редакциях XI и XII вв. и в описках XIII-XV вв. Слово "закон", в свою очередь, по лингвистическим исследованиям был литературным, церковнославянским (Б.О. Унбегаун), хотя и получил значительное распространение на Руси с XV в. Местным было слово того же корня "покон" (так, "Покон русский", передано это название в Ипатьевском списке договора 911 г.), обозначавшее, однако, скорее, судя по выражению "Покон вирный" в Пространной Правде, ст. 9, один какой-либо обычай, одно установление, а не совокупность норм.

Ю.Л. Шапова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ТОРГОВЛИ (ПО НАХОДКАМ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СТЕКЛА)

Социально-экономические проблемы, проблемы ремесла и торговли разрабатывают, привлекая самые разные источники, в том числе и археологические. Специфика археологического источника общеизвестна и очевидна, именно поэтому информации, содержащаяся в нем, становится доступной после специального источниковедческого анализа. Другое свойство археологических данных - их конкретность, которая фиксирует в историческом процессе частное, т.е. тот его уровень, который не получает отражения в нарративных источниках или отражен в них минимально. Источники письменные и археоло-

гические можно облизить, сведя их на общий уровень, на котором было бы запечатлено оообенное интересующего нас процесса. Историки охотно используют обобщенные археологические данные. Однако большая часть работ по археологии древней Руси написана давно.

Современная археология располагает более тонкими методами анализа данных, их обобщения и интерпретации, среди которых главными являются естественнонаучные и количественные методы.

Две главные проблемы в археологии: происхождение вещей и их хронология с помощью этих методов решены в настоящее время иначе, с той мерой надежности и точности, которая была недоступна ранее.

Точность и надежность необходимых определений — основа, на которой из десятка первичных наблюдений выстроены новые факты, из анализа которых, в свою очередь, складывается иная характеристика связей регионов древней Руси с внешним миром и предлагается новое решение некоторых проблем.

Рассмотрим только один пример, так называемые золототеклянные бусы XI в. Находки таких бус часты в "деревенских" курганах, раскопанных в низовьях Оки, в бассейнах Клязьмы, Москвы, в верховьях Волги, Западной Двины, Днепра, Десны и Сожа, добавим Медведицу, Мологу, Великую и Ижорское плато; по мере удаления от указанного района находки таких бус становятся все реже. Исключение составляет область, занятая дреговичами, отделенная от основной территории, на которой такие бусы известны.

Золотостеклянные бусы, вслед за М.В.Фехнер, принято считать восточными (В.П.Даркевич и др.). Главный аргумент в пользу восточного происхождения таких бус XI в. — совпадение их ареала с ареалом восточных монет IX—X вв. В действительности, это лишь частичное совпадение. Полный ареал восточных монет шире (В.Д.Янин, А.В.Фомин). Иначе выглядит и полная география восточных бус. Они были известны всему средневековому миру, от Скандинавии до Китая и Малайзии, от Средней Европы до Дальнего Востока.

Обсуждаемые золотостеклянные бусы, в отличие от восточных, имеют иную хронологию и ареал, для них характерны иные формы и технология. Обсуждаемые золотостеклянные бусы изготовлены в византийских мастерских, близких к дворцовому кругу.

Именно такие бусы своего рода археологическая примета кривичей (А.В.Арциховский, П.И.Третьяков, Т.Н.Никольская, В.В.Седов). На основной своей территории кривичи расселились к X в., территория Северо-Востока Руси и Поволжье были освоены в XI в. (В.В.Седов). Изменилось население рассматриваемой территории. Иными словами, произошла полная смена торговых партнеров на этой территории в XI в. Причем очевидно, что византийский торговый контрагент наследует своему предшественнику в этом регионе. Очевидно, что этот регион представлял собой неизменный торговый интерес для разных контрагентов, независимо от населения, занимавшего его на протяжении IX-XI вв.

В товарообмене, с одной стороны, выступали своего рода предметы роскоши, в данном случае золотостеклянные (и иные другие) бусы и, кроме того, ткани, красители, нити для золотного шитья и т.д.; меха, воск, мед и т.д. — с другой. Самый товарообмен могли совершать, по традиции, в Болгарах. Волжский путь до Болгар был известен (см. запись в ПВЛ под 1024 г.).

Бусы византийского происхождения распределены равномерно не только по всей территории кривичей, но и внутри курганных групп, т.е. равномерно среди населения.

Придерживаясь критериев, принятых в археологии для оценки подобных явлений, нужно было бы признать, что подобное возможно только в том случае, когда доли участвующих в сделке, с одной стороны, определены их "взносом", и когда две другие акции, приобретение товара и его распределение, обобщены, а не разделены цепью посредников. Принцип пропорционального (равного) распределения предметов роскоши ограничен территорией кривичей и верхневолжских, и приднепровских, и псковских.

Те же самые меха, воск и т.д., выисканные князем в виде дани, превращались в предметы роскоши, которые распределялись принципиально иначе.

Мода на византийские бусы была характерна не только для кривичей, она была свойственна и дреговичам, к которым они попадали особым путем.

Мы привели лишь один пример, но их число можно увеличить.

Предлагаемые факты и наблюдения, если принять предлагаемую их интерпретацию, заметно изменяют представления о древнерусской действительности. Становится очевидным, что княжеская внешнеторговая монополия не была полной в XI в.

Однако оставаясь в пределах археологии, оценить значение факта трудно; необходимы дополнительные данные и иной историко-культурный фон.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Арутюнова-Филанян В.А.</u> "Рузы" в Закавказье (X век)	3
<u>Бейлис В.М.</u> О значении сведений средневековых арабских авторов для изучения внешней политики Древней Руси	7
<u>Бибиков М.В.</u> <i>Byzantinogossica-Reassebyzantina</i>	10
<u>Глазырина Г.В.</u> Свидетельства древнескандинавских источников о браке Харальда Сурового и Елизаветы Ярославны ...	14
<u>Горский А.А.</u> Монгольское нашествие X века в "Задонщине"..	16
<u>Гуревич Ф.Д.</u> О культурных связях городов Западной Руси XII-XIII вв. с Византией и странами мусульманского Востока .	18
<u>Дашкевич Я.Р.</u> Древняя Русь и иранцы Северного Причерноморья (Новые аспекты исследований)	21
<u>Джакоон Т.Н., Мачинский Д.А.</u> Связи Северной Руси и Беломорья в IX-XIII вв. (по данным письменных источников)	24
<u>Заварская С.В.</u> Четвертая мечь княгини Ольги в Повести временных лет и византийский хронограф	29
<u>Калинина Т.М.</u> Восточные источники о принятии христианства на Руси	31
<u>Котляр Н.Ф.</u> "Корсунская легенда" летописи в контексте русско-византийских отношений конца X-XI вв.	34
<u>Литаврин Г.Г.</u> Византия и Древняя Русь в период между договорами 911 и 944 гг.	38
<u>Матусова В.И.</u> Русь в историографии Тевтонского ордена (XIV в.)	43
<u>Медьникова Е.А.</u> Скандинавия во внешней политике Древней Руси (до середины XI в.)	45
<u>Молчанов А.А.</u> Печать князя Святослава Игоревича (К вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики Древней Руси X в.)	50
<u>Назаренко А.В.</u> "Путь из немец в хазары" и первые века древнерусской истории (IX-X вв.)	52
<u>Назаров В.Д.</u> Ярлык Хаджи-Герая Казимиру IV и русско-ливонские отношения	57
<u>Назарова Е.Л.</u> Ливонская Орденская (Магистровая) хроника о русско-ливонских отношениях XIII - первой половины XVI в.	60

<u>Наумов Е.П.</u> Из истории внешней политики Руси середины XII в. (Союзники и противники Владимира Галицкого)	63
<u>Найчадзе Г.Г.</u> Политические аспекты русско-грузинских связей в X веке	64
<u>Перхавко В.Б.</u> Летописный Переяславец на Дунае	68
<u>Подосинов А.В.</u> К вопросу о венедах "Певтингеровой карты"	73
<u>Рапов О.М.</u> Когда произошло крещение Руси, отмеченное Константинопольским патриархом Фотием?	78
<u>Свердлов М.Б.</u> Общественный строй и внешняя политика Древней Руси	83
<u>Смирнов В.Н.</u> К вопросу об экономических связях средневековой Руси с Византией и Северным Причерноморьем	87
<u>Соболева Н.А.</u> О ратификации русско-византийских договоров X в.	91
<u>Ставиский В.И.</u> "Киевское княжение" в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.)	95
<u>Старостина И.П.</u> Неизвестная польская редакция "Сказания" Альберта Шлихтинга	100
<u>Флоря Б.Н.</u> Русско-норвежские отношения XIII-XIV вв. и рассказ о Валиге	107
<u>Фокин А.В.</u> Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в.	109
<u>Чекин Л.С.</u> Переводчики монгольского языка в XIII в. (Материалы к истории устного перевода)	113
<u>Шаскольский И.П.</u> Внешняя политика Новгородского государства в XIII в. (Основные направления)	116
<u>Шазелева Г.И.</u> Русские княгини в Польше	117
<u>Шапов Я.Н.</u> "Закон русский" договоров Руси с Византией и "Правда русская"	122
<u>Шапова Ю.Л.</u> К характеристике древнерусской торговли (по находкам изделий из стекла)	123

